

**Стереотипы современной мужественности в образе главного героя
телесериала "Бригада" (2002) Александра Белова**

Телесериал «Бригада» 2002

Тимур Ходяев

Университет г. Тампере

Институт современных языков и переводоведения

Русский язык и культура

Май 2010

University of Tampere
Russian Language and Culture
School of Modern Languages and Translation Studies

Master's thesis, 63 pages
May 2010

KHODYAEV, TIMUR: Stereotipy sovremennoy muzhestvennosti v obraze glavnogo geroya teleseriala "Brigada" (2002) Aleksandra Belova / Modern masculinity stereotypes on the example of the TV series "Brigada" (2002) protagonist Alexander Belov

The thesis makes a view at the masculinity standards in modern Russia. What male model-to-follow is widespread in Russia today and why are the questions on which this work attempts to find answer to. To understand the nature of the current masculinity image in Russia an attempt to analyze masculine character type in the TV series "Brigada" is made. Alexander Belov as a character of "Brigada" enjoyed big popularity in Russian society. Therefore it is interesting to address to personal characteristics of this image to understand what kind of personality it is. The scope of analyzing this character lies specifically in the expressions of masculine behavior, which could be traced in Alexander Belov. View at the modern masculinity in Russia is based on gender studies.

Keywords: maskuliinisuus, mieheys, sukupuoliutkimus, miestutkimus

Содержание

Введение.....	1
1. Пол и гендер. Термины "гендер" и "гендерные исследования".....	3
2. Понятие "гендер".....	7
2.1. История понятия "гендер"	
2.2. Традиционная теория пола. Биологический пол и гендерные различия	
3. Гендерные стереотипы.....	12
4. Понятие мужественности (или маскулинности) в гендерной теории.....	13
4.1. История возникновения термина "маскулинность"	
4.2. Подходы к маскулинности	
4.3. Репрезентация мужественности (маскулинности) в отечественной науке	
5. Свойства гендерных стереотипов маскулинности по Т.Б. Рябовой.....	21
6. Исторически обусловленные типы русской мужественности по Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной	23
6.1. Диагноз "Кризис маскулинности"	
6.2. Нормативные модели советской и русской мужественности	
6.3. Альтернативные образы и практики маскулинности в контексте дискурса о кризисе маскулинности	
6.4. Появление дискурса о новой мужской идентичности	
6.5. Репрезентация мужественности в современной России	
7. Стереотипы современной мужественности в образе главного героя телесериала "Бригада" Александра Белова.....	34
7.1. Объект исследования	
7.2. Ход работы	
7.3. История персонажа	
7.4. Имя персонажа и портрет	
7.5. Аналогии мужественности в Саше Белом и их атрибуты	
7.6. Практики персонажа	
8. Телесериал "Бригада" и его рецепция.....	55
8.1. Телесериал "Бригада". Саша Белый на экране	
8.2. Восприятие сериала в гендерном контексте	

Заключение.....	58
Библиография.....	59

Введение

В сентябре 2000 года продюсерский центр "АВАТАР ФИЛЬМ" (Россия) начал производство 15-серийного телевизионного художественного фильма "Бригада". Спустя два года зрители российского телеканала РТР увидели премьеру этого телесериала.

Данный сериал получил большой резонанс в обществе, дал начало острой и глубокой дискуссии. Сериал представляет интерес тем, что является одним из первых пользовавшихся огромной популярностью экранных повествований со времени распада Советского Союза и начала конструирования нового типа мужественности в России.

"Бригада" дает представление о целой эпохе. Повествование выстроено на фоне общественной, экономической, политической жизни России конца 1980-х - 1990-х гг., что естественным образом соотносится с личной жизнью главных персонажей. Особенно ярко эти изменения отражены в центральном персонаже Александре Белове (Белый). Данный персонаж представляет собой собирательный образ и воплощение той самой эпохи, о которой повествует сериал.

Данная работа посвящена анализу стереотипов современной российской мужественности, воплощенных в образе Александра Белова. Анализ будет проводиться на основе наиболее поздней версии сериала, которой в данном случае является его печатная версия - так называемая текстуализация: А. Белов, «Бригада. Бои без правил», М., ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис 2003. Книга была выпущена после того как был завершен показ сериала на российском телевидении. Текст официально назван кинороманом.

Текст будет анализироваться с точки зрения гендерной теории. Теория о гендере - сравнительно недавно возникшая теория. Она возникла во второй половине XIX века и начала становиться популярной в начале 1930-х гг. Следующие ученые занимались исследованием этой теории: С. де Бовуар, А. Дворкин, Д. Скотт, Г. Рубин, Д. Мани, Р. Коннелл Д.И. Гапова, А.Р. Усманова, С.А. Ушакин, И.С. Кон, Р. Борк, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, и многие другие.

Актуальность данной работы определяется тем, что категория мужественности и конкретно - исторические представления о мужественности сравнительно мало изучены на фоне исследований феминистской критики на тему женственности. Также сегодня в России имеет место активная полемика по поводу определения мужской

идентичности.

Задачами исследования являются: используя понятие мужественности в рамках гендерной теории, выявить основные стереотипы русской мужественности 90-х гг. через анализ главного персонажа сериала "Бригада" - Саши Белого.

1. Пол и гендер. Термины "гендер" и "гендерные исследования"

Научный сборник «Введение в гендерные исследования» дает следующее представление о гендере и «гендерных исследованиях» (И.В. Костикова 2005: 8): гендерные исследования есть собирательное обозначение для исследований, которые занимаются изучением проблем взаимоотношения полов в различных научных областях: экономике, социологии, политологии, лингвистике и других. Сама проблема взаимоотношения полов обозначается термином «гендер».

Гендерные исследования, как представлено в книге, включают в себя теоретическую часть (работы в области философии, социологии, психологии) и практическую часть, где знания, выработанные в теории, пытаются применять в политическом и социальном управлении, институте семьи, образовании, художественном творчестве, сфере межличностных отношений. Вместе с тем, гендерные исследования предстают не только как научное направление, но и как инструмент для социальной инженерии, что приводит нас к области социальной утопии. Эта социальная утопия гораздо шире, чем, например, утопия классовая (марксистская), так как в ней представлены все проблемы взаимоотношения человека и общества. Также эта утопия гораздо эффективнее, поскольку ставит целью исследование поведения каждого отдельного человека как индивида.

Российская исследовательница Т.Б. Рябова рассматривает представляющие интерес для данной работы размышления Рябова О.В., который считает, что гендер конструируется за счет влияния системы социальных связей (Т.Б. Рябова 2008: 24). О.В. Рябов полагает, что исходя из всех существующих теорий по поводу гендера, можно сделать вывод, что само понятие пола является *референтным, контекстуальным, гетерогенным и потестарным*.

Референтность пола, как пишет Т.Б. Рябова, это та часть гендерного дискурса, где рассматривается бинарность кодирования мужского и женского. Т.Б. Рябова приводит источники в подтверждение этому. Мужественность и женственность не просто противоположны - они обуславливают друг друга (Т.Б. Рябова 2008: там же). Информация о женщинах есть обязательно информация о мужчинах, одно требует изучение другого.

Гендерный дискурс, продолжает анализировать Т.Б. Рябова, не только популяризует мужское и женское, но и обсуждает иерархию полов, которая

определяется *потестарностью пола* (позиция в отношениях власти или подчинения). Это рассматривается на примерах социального взаимодействия мужчины и женщины. Общество, в котором привилегированное положение мужского пола широко и явно обозначено, называется *патриархатным*.

Иерархия выстраивается не только между полами, но и внутри полов. Гендер подразумевает под собой отношения полов: как между ними, так и внутри них. В связи с этим очень интересна идея о множественной маскулинности (*multiple masculinities*) австралийского социолога Р. Коннелла (Т.Б. Рябова 2008: 25). Он представлял маскулинность не как нечто гомогенное и единое, а, наоборот, как одновременное существование различных типов маскулинности, которые можно было определить различными социальными идентификаторами. Р. Коннелл заключил, что каждому типу маскулинности соответствует свой вид отношений. Часто это отношения конкуренции и борьбы. Поэтому маскулинность может интерпритироваться как поле конкурирующих дискурсов. Представители гегемонной маскулинности доминируют над представителями подчиненной маскулинности. Представители гегемонной маскулинности, следовательно, в большей степени получают привилегии от патриархата, чем представители подчиненной маскулинности.

Последнее из рассмотренных Т.Б. Рябовой свойств гендера, *контекстуальность пола*, говорит о зависимости маскулинности от определенных исторических и социальных факторов. Это дает понять, что маскулинность устойчива и стабильна, но в то же время пластична и подвижна.

Термин "гендер" сегодня широко употребляется в российском научном дискурсе, но в то же время существует и скептическое отношение к нему применительно к отечественной науке. С.А. Ушакин рассматривает проблему заимствования термина "гендер" из английского языка в своей статье «Человек рода он»: знаки отсутствия" (С.А. Ушакин 2002: 12). Действительно, при заимствовании объемного научного термина существует вероятность не только его неверной и неполной трактовки, но и целеноправленного изменения первоначального значения в силу каких-либо обстоятельств. Как пишет С.А. Ушакин, при заимствовании термин "гендер" растерял весь свой "революционизирующий" запал и вышел по завершению процесса бледной тенью своего оригинала. "Гендер" стал плоским обозначением половых взаимоотношений, в отличие от "gender", который включает в себя инновационные взгляды по вопросам полового неравенства, механизмов реализации власти, производства желания и форм его удовлетворения. С.А. Ушакин исследует

причины этого и ставит вопрос о решении этой проблемы.

С.А. Ушакин анализирует степень смысловых потерь и искажений в отечественном варианте термина "gender". Рассматривая заимствованный термин, Ушакин делает вывод, что его используют больше как средство для выхода феминистических дебатов в России на международную арену. Таким образом, пишет С.А. Ушакин, новый термин не сохранил своего оригинального значения после заимствования (С.А. Ушакин 2002: 14). Для того чтобы показать чего же лишен заимствованный гендер, в отличие от своего оригинала, С.А. Ушакин возвращается к работам одной из самых цитируемых в российских гендерных исследованиях Джоан Скотт. Скотт писала, что слово само по себе не может быть заимствовано успешно без своего полного смыслового багажа, что важна история слова.

С.А. Ушакин указывает на то, что Джоан Скотт рассуждает в духе Пьера Бурдьё (Ушакин 2005, www). Она говорит о взаимосвязи элементов внутри системы и с самой системой (в данном случае речь идет о системе половых отношений). Привилегированное положение одной из категорий системы (мужественность) приводит к восприятию данной категории как источника знания о всей системе, следствием чего, в итоге, становится принятие этой категории за сам способ воплощение системы. Скотт указывает на то, что у термина "гендер" выявляется исторически-ориентированный подход. С.А. Ушакин показывает здесь различие с отечественным вариантом термина, который он называет неэквивалентным, где отсутствует стремление использовать термин как средство изменения реальности посредством изменения категорий системы, с помощью которых эта реальность формируется в данный момент, а заметно лишь обустройство символического поля для нововведенного термина.

С.А. Ушакин пишет, что заимствованный термин "гендер", ввиду своей неполноценности и ограниченности, не может служить средством анализа половых взаимоотношений за пределами "самоочевидности" системы в рамках отечественной философии и социологии пола (С.А. Ушакин 2002: 14). Вот если бы "самоочевидность" системы была бы преодолена, пишет С.А. Ушакин, то стало бы возможным исследовать те дисциплинарные усилия, которые привели к формированию этой системы, понять те схемы и клише, которые придают половым признакам характер незыблемости, а также это бы позволило показать, что явление противопоставления друг другу "мужского" и "женского" не является следствием анатомических различий. Поле значения того термина "гендер", который был сформирован в результате

заимствования, не позволяет ставить такие задачи. Российский "гендер" является полезной категорией для анализа и не более того, делает вывод С.А. Ушакин (С.А. Ушакин 2002: 20).

В следующем разделе мы рассмотрим как появился термин "гендер" и какая у него позиция по отношению к биологическому подходу в исследовании полов.

2. Понятие "гендер"

Основой гендерных исследований является понятие «гендера». Это понятие до сих пор является спорным. В различных теориях оно трактуется по-разному (феминистские теории, социология гендера, гендерная психология, постфеминизм, лесбийская философия). Понятие гендера было выработано во многом благодаря феминистским исследованиям, хотя, например, российский ученый И.С. Кон полагает, что этот термин изначально начал употребляться сексологом Джоном Мани (И.С. Кон, www). Джон Мани изучал гермафродитизм и транссексуализм, и в ходе своего исследования разграничил общеполовые свойства (фенотип) от сексуально-генитальных, сексуально эротических и сексуально-прокреативных качеств. После работ Мани этот термин стал употребляться социологами и юристами.

2.1. История понятия "гендер"

Понятие "гендер" стало употребляться после того, как феминистки проанализировали «современное общество» и сделали вывод о дискриминационном положении женщин. Антрополог Гейл Рубин в своей статье «Обмен женщинами: заметки по поводу "политической экономии" пола» (1975) так определила понятие «гендера» - «комплекс соглашений, регулирующих биологический пол как предмет общественной деятельности» [цит. по И.В. Костиковой: 9]. В 1980-е годы на основе этого определения появляются разнообразные концепции.

Гендерные исследования получили статус официальной научной дисциплины в Америке и являются там обязательными к изучению для государственных служащих и социальных работников. Следующее определение гендера дают справочные издания США: «Термин, введенный феминистками с целью выделения социального аспекта различия полов. Когда говорят о различии между существами женского и мужского пола как о различии "пола", то имеется ввиду их биологическое различие. Когда говорят о гендере, то исходят из определенных *социокультурных дефиниций* (определений) *понятий женщины и мужчины* и предполагают изначально установленное различие их социального положения» [цит. по И.В. Костиковой: там же].

Стоит привести определение, которое предложил американский социолог Э.

Гидденс. На него опираются исследователи гендера в России: «Если пол имеет отношение к физическим, телесным различиям между женщиной и мужчиной, то понятие "гендер" затрагивает их *психологические, социальные и культурные* особенности. Разграничение пола и гендера является фундаментальным, так как многие различия между женщиной и мужчиной обуславливаются причинами, не являющимися биологическими по своей природе. Если пол индивида биологически детерминирован, то род (гендер) является культурно и социально заданным. Таким образом, существует два пола (мужской и женский) и два рода (мужественный и женственный)» [цит. по И.В. Костиковой: 9-10].

Это определение показывает, что термин гендера (рода) является средством описания и объяснения социальных различий между мужчиной и женщиной, которые так или иначе присутствуют в патриархатном обществе. Патриархатное общество предполагает превосходство мужчины по умолчанию, что и порождает половую дискриминацию. Это хорошо показано в определении гендера известного теоретика гендерной методологии Джоан Скотт: «элемент социальных отношений, основанный на воспринимаемых различиях между полами, и основной путь обозначения отношений власти» [цит. по И.В. Костиковой: 10].

2.2. Традиционная теория пола. Биологический пол и гендерные различия

Традиционная теория пола в патриархатном обществе не признает фактора социальных различий, а прежде всего указывает на различия биологические. Женщина в этой теории не рассматривается как «политическое животное», а ее характеристики, например психологические особенности, понимаются как продолжение ее биологических черт. Позже наметился другой подход к данному вопросу. Появилось понятие «природности» женщины, что объяснялось по большей части присутствием в ней преобладающей репродуктивной функции. Как бы там ни было, можно однозначно констатировать факт: мужчины и женщины отличаются друг от друга. Эти отличия выделяются в строении репродуктивных систем, гормональном балансе, антропометрических характеристиках. Вопрос различия строения и функционирования центральной нервной системы и мозга носит спорный характер. В то же время, стоит

также иметь ввиду индивидуальность и уникальность особенностей каждого отдельного человека какого бы пола он ни был.

Существуют и другие мнения насчет биологического аспекта применительно к гендеру. Вот что об этом пишет Роберт Борк, основываясь на теории конструирования гендера человеком в обществе, где гендер (как половая роль) есть порождение культуры: «Культура - упрямый оппонент. Разрушение ее требует насилия над людьми. Утверждения, что под их (феминистическими) культурными условиями мужчины и женщины станут идентичными, являются абсурдными, для всякого, кто не ослеплен идеологическими фантазиями» (Борк, www).

Борк пишет в своей статье про мужскую сущность, воплощенную в мужском типе поведения, будучи настолько фундаментально детерминированной природой, что исследования гендерной теории не могут идти против этого основополагающего слоя. Мужчина в среднем выше, сильнее, быстрее и, кроме того, пишет Борк, отличие мужчины от женщины не исчерпывается физической стороной. В приведенной им цитате из Джеймса Вилсона говорится о том, что мужчины более агрессивны, чем женщины. И хотя воспитание и может сократить это различие, все же его не искоренить, так как оно опирается на биологические факторы. В отдельно взятом обществе мужчины в среднем ведут себя более грубо, более резко и опрометчиво. Мужчины чаще борются физически и совершают нападения. Как говорится в цитате, это отличие мужского проявляется уже в раннем возрасте и по мере взросления выражается в том, что мужчины более вероятно, чем женщины встретятся с проблемами в школе, станут алкоголиками или наркоманами и совершат криминал.

Какие бы культурные правила не навязывало общество, мужское естество, найдет свое воплощение в другой плоскости, но это будет мужская сущность. Такое заключение можно сделать из утверждений Борка.

Роберт Борк также подвел итог неудачным социальным экспериментам киббуцев. Суть экспериментов состояла в попытке игнорировать биологическую детерминанту при воспитывании детей. (Борк, www).

Отдельные представители радикального феминизма также склонны верить в наличие серьезного биологического аспекта применительно к гендеру. Валери Соланис выражает это в своем Манифесте «Общества Полного Уничтожения Мужчин», где ратует за полное физическое уничтожение представителей мужского пола, ввиду невозможности их перевоспитания. Салли Герхард высказывалась о том, что мужское население планеты должно быть сокращено до 10% уровня по той же причине. Андреа

Дворкин известна своим отношением к противоположному полу, как к "полу-сопернику".

Один из российских ученых, И.И. Булычев, предостерегает от гендерной симметрии, что, по его мнению, есть путь к вырождению человечества (биологический аспект). Определение атрибутов мужественности/маскулинности И.И. Булычев относит к противоположному понятию женственности/феминности, которое своей противопоставленностью очерчивает эти атрибуты. "...оба пола и то, что они символизируют, - мужской и женский принципы в мире, во Вселенной и в каждом из нас - являются двумя полюсами, которые должны сохранить свои различия, свою противоположность, чтобы создать плодотворную динамику, производительную силу, которая соответствует этой полярности" (И.И. Булычев, www).

Основываясь на этих мнениях, можно сделать вывод, что «гендер» есть термин заменяющий биологический термин «пол» при объяснении процессов происходящих в обществе. Если взять историю человечества в хронологическом порядке, то по мере развития и становления общества и науки определялись половые признаки человека. Появление в недавней истории гендерных понятий дает возможность эффективно описывать развития межполовых отношений в обществе, но в то же время не отменяет фундаментального значения биологического термина «пол». Гендер можно представить своего рода как социологическое воплощение биологического пола. Если же поставить человеческие взаимоотношения вне привычного общественного уклада, допустим, в экстремальные природные условия без доступа к достижениям современной цивилизации, можно ли будет анализировать эти отношения полноценно с точки зрения современных гендерных исследований? И если нет, то можно ли говорить о том, что, чем более технологичный образ жизни ведет одна цивилизация, тем больше в ней гендера, и чем менее технологичный, тем его меньше?

Остро стоит вопрос о том насколько биологические предпосылки могут быть причиной для обоснования различий в общественных статусах. Исследователи в области антропологии и социологии в начале XX в. по новому взглянули на проблему межполовых отношений в обществе. Маргарет Мид в своих этнографических исследованиях показывает, что в истории цивилизации были периоды, когда существовала иная схема распределения ролей а обществе, как и иное воспитание, иные ценности (И.В. Костикова 2005: 12). Все это, согласно Мид, не служило следствием биологии, так как в других, не западноевропейских обществах биологические параметры, репродуктивные функции, особенности анатомии мужчин и

женщин трактовались по-разному. Постепенно различные ученые, одним из которых, например, был Гидденс, начали приходить к тому, что биологические различия становятся скорее сигналом, чем причиной социальных различий между мужчиной и женщиной (И.В. Костикова 2005: 14).

Таким образом, эволюция развития концепции гендера на сегодняшний день остановилась на следующем: гендер не соответствует биологическому полу, а конструируется под влиянием окружающей социальной действительности, т.е. средств массовой информации, образования, языка, искусства, науки и т.д (И.В. Костикова 2005: 15).

Кроме термина гендер для нашей работы определяющим является также понятие "стереотипа".

3. Гендерные стереотипы

Стереотип – это схематичный, обобщенный способ репрезентации. Все характеристики представляются в виде одной черты, которая ярко представлена в одной личности (Т.Б. Рябова 2008: 34).

Гендерные стереотипы - стереотипы, используемые при формировании собственной гендерной модели поведения и конструирования идеала с точки зрения принадлежности к определенному полу (И.В. Костикова 2005: 16).

Таким образом, гендерные исследования употребляют понятие гендерного стереотипа при исследовании взаимоотношения полов. Эти гендерные стереотипы могут выражаться, например, в восприятии людьми определенной модели поведения того или иного пола, в конструировании идеального представителя пола.

Гендерные стереотипы действуют на уровне всего общества и на уровне каждого отдельного человека. Выделяют два подхода к изучению гендерных стереотипов: гендерную идентичность и гендерные роли. На уровне отдельного человека этим занимаются психология и философия, а на общественном уровне это вотчина гендерной социологии, демографии и экономики. Формирование гендерных стереотипов начинается с самого раннего детства в процессе естественной социализации, что представляет из себя усвоение господствующих в данной культурной среде представлений о правильном поведении, распределении способностей и обязанностей. Как результат, личность существует в усвоенной социальной роли, что проявляется в одежде, речи, поведении, взглядах на мир. Факторами усвоения требуемой социальной роли служат в процессе взросления игрушки, отношение родителей к ребенку, сказки и литература в общем, средства массовой информации, школа, пример сверстников и авторитетных взрослых (И.В. Костикова 2005: 17). Таким образом, можно сделать вывод, что в человеческом сознании единицей усваивания мужских и женских характеристик является стереотип. Люди мыслят стереотипами и применяют их к различным ситуациям в обществе, что позволяет сэкономить время, необходимое на обдумывание жизненных перипетий.

4. Понятие мужественности (или маскулинности) в гендерной теории.

4.1. История возникновения термина "маскулинность"

Мужественность (masculinity) - Характерные формы поведения, ожидаемые от мужчин в рамках данной культуры (Мир словарей, www).

На сегодняшний день гендерные исследования оперируют терминами, которые помогают анализировать взаимоотношения полов, т.е. отношения между мужчинами и женщинами (И.В. Костикова 2005: 16). Характеристики, которые относят к мужскому и женскому, собраны в терминах мужественности и женственности. В международной практике употребляют слова "маскулинность" и "феминность" ("фемининность") соответственно. Данные термины позволяют исследовать мужские и женские проявления в самых разных аспектах: как факт общественного сознания (социологические исследования), политическом (в демократической тенденции это, например, выражается в признании толерантности к сексуальным меньшинствам), критическом (манипулирование человеческим сознанием, эксплуатируя мужское и женское в рекламе товаров, с целью их эффективного сбыта).

Но первая попытка внедрить концепт маскулинности в социальную науку была предпринята более чем столетие назад и была построена на таком понятии как половая роль мужчины (Connell 1995: 21-27). "Половая роль мужчины" как понятие начало употребляться в конце второй половины XIX века. В то время изучение взаимоотношений полов было основано на доктрине о врожденных различиях полов, что служило методом противодействия движению женской эмансипации. Женщины-студенты первого поколения североамериканских исследовательских институтов опровергли эту доктрину. Они также поставили под вопрос некоторые предубеждения, проведя исследование различий умственных способностей у мужчин и женщин. Эти различия оказались весьма незначительными.

Сенсационные результаты послужили началом огромному количеству исследований. Эти исследования начались в 1890-х и продолжались до 1990-х гг (Connell 1995: 21). Исследовались не только умственные способности, но и эмоции, склонности, личные качества, интересы, а также все, что поддавалось

психологическому анализу. На сегодняшний момент накопилось значительное количество материала по исследованиям на тему "половых различий".

Итак, пишет Коннелл, половых различий по почти всем психологически проанализированным параметрам либо не обнаружено, либо они едва присутствуют. И очевидно, что эти различия незначительны, в то время как социальное неравенство, которое как раз и обосновываются именно этими психологическими различиями, наоборот, значительное. Под категорией социального неравенства Коннелл подразумевает следующие понятия: неравные доходы, неравное распределение обязанностей по уходу за детьми и огромное неравенство в распределении власти. Коннелл рассматривает проведенные исследования с точки зрения статистического метаанализа, что позволяет ему утверждать, что некоторые половые различия в психологических характеристиках действительно присутствуют. Но так как они незначительны, вряд ли они являются важными факторами. Но можно утверждать и обратное, пишет Коннелл, если предположить, что эти различия обострены культурными предпосылками.

В середине XX века в ходе исследования половых различий было выработано понятие, которое, казалось, представляло объект исследования адекватно тогдашнему моменту. Этим понятием была концепция социальной роли. Концепция породила термин "половая роль", который со временем стал общеупотребимым (Connell 1995: 22).

Половая роль является на сегодняшний день широкоупотребимым термином, но не следует упускать из виду, пишет Коннелл, факт его недавнего происхождения. Конечно, о роли в театре, как метафоре человеческой жизни, уже давно писал Шекспир. Но, с другой стороны, в социологии "роль" как понятие, обозначающее социальное поведение как таковое, стало употребляться только в 1930-х гг. Это позволило провести связь между положением в обществе и культурными нормами. Благодаря усилиям бесчисленного количества антропологов, социологов и психологов, это понятие в 50-х гг. XX века встало в один ряд с признанными понятиями социологии (Connell 1995: там же).

К гендеру понятие роли можно применять двумя способами, продолжает Коннелл. С одной стороны термин "роль" может применяться в буквальном смысле в контексте определенных ситуаций, а с другой стороны, это понятие применяется как набор определенных свойств, которые соответствуют какому-либо из полов - "половая роль". При таком подходе в любой культуре имеются 2 половые роли - мужская

половая роль и женская половая роль. Маскулинность и феминность как раз и трактуются как усвоенные в результате социализации половые роли (Connell 1995: там же).

Чаще всего, пишет Коннелл, маскулинность и феминность рассматриваются как культурные проекции биологических половых различий. Но такой подход может быть и неверным. Здесь Коннелл говорит о комплексном толковании теории половых ролей, которое в середине 1950-х гг. представил Талкотт Парсонс в своем труде "Family, Socialization and Interaction Process" , где он пошел другим путем, рассматривая разные типы маскулинности и феминности как "инструментальные" и "экспрессивные" роли в семье как в отдельно взятой группе. Таким образом, термин "гендер" по Парсонсу был сформулирован на основе законов социологии о разделении функций в общественных группах(Connell 1995: 22-23).

Коннелл идет далее и пишет, что маскулинность, рассматриваемая как внутренне конструируемая мужская половая роль, дает возможность для социальных преобразований (Connell 1995: 23). Половые нормы как социальные явления могут быть преобразованы общественными процессами. Появлялись идеи об использовании новых схем восприятия половых норм общественными институтами (семья, школа, средства массовой информации). Тема перемен в концепции маскулинности была самой обсуждаемой в 1950-х гг. в американских социологических журналах. Появилась такая норма, что, например, от мужчин ожидалось владение коммуникативными навыками, которые, в то же время, не исключали и ожиданий от мужчин быть крепкими и сильными. Такое рассмотрение теории половых ролей даже приводило к выводам о конфликте внутри понятия маскулинности, что объяснялось не как следствие угнетения, а как результат введения нереальных для воплощения социальных ожиданий.

Коннелл подчеркивает, что большинство ученых первого поколения, разработавших теорию половых ролей, полагали, что четкое определение ролей служило гармоничному развитию общества и поэтому является благотворным (Connell 1995: 23). Внутренне конструируемые половые роли способствовали стабильности общества, поддерживали чистоту разума и стимулировали воплощение необходимых функций.

Коннелл пишет, как в 1981 году Плек опубликовал "The Myth of Masculinity", где он обстоятельно пересмотрел мужскую роль в тогдашнем дискурсе. Связь между ролью и индивидом была его основной темой обсуждения. Он раскритиковал

парадигму "идентичности мужской половой роли" (как он называл теорию о функциональности половых ролей) прежде всего за ее утверждение о прямой связи между нормой поведения и формированием личности (нормы половых ролей формирует психологические установки).

Критика была вполне обоснованной, как пишет Коннелл (Connell 1995: там же). Плек продемонстрировал как много принимается за должное, когда мы говорим о функциональности половых ролей и как у нас мало эмпирического материала для подтверждения основных положений этого дискурса. Что еще более интересно, Плек выдвинул аргумент в лучших традициях Фуко, что теория о нормативных половых ролях сама по себе является формой гендерной политики. Для осуществления исторически значимых изменений в гендерных отношениях требовалось переключение с внешнего общественного контроля над мужчинами на внутренний. Как утверждал Плек, концепция идентичности половой роли заставляет личность, не следующую нормам традиционной роли, чувствовать себя неадекватной, делает ее неуверенной в себе и не дает поставить под вопрос саму концепцию. Теория о нормативной половой роли, таким образом, пишет Коннелл, сдерживает ход социальных перемен.

Далее мы рассмотрим какие существуют подходы к использованию и пониманию термина "маскулинность".

4.2. Подходы к маскулинности

Во всех обществах есть культурное понятие гендера, но не во всех есть понятие "маскулинности" (Connell 1995: 67-71). В современном значении, этот термин подразумевает, что поведение мужчины зависит от его типа личности. То есть, например, индивидуум немаскулинного типа ведет себя по другому: миролюбив, а не агрессивен, идет на встречу, а не соперничает, неловко ударит по мячу, не будет заинтересован в сексуальных подвигах и т. д.

Концепт маскулинности появился сравнительно недавно, не более, чем несколько столетий назад. Обсуждая маскулинность, можно сказать, что мы занимаемся "конструированием гендера" в культуре, пишет Коннелл.

Обычно в определениях маскулинности находили выражения культурные положения, которые принимаются как сами собой разумеющиеся. Но эти определения

вырабатывались с помощью различных подходов. Эти подходы, пишет Коннелл, различаются по своей сути, но могут совмещаться на практике (Connell 1995: 68-70).

Экзистенциальные определения обычно обращают внимание на характеристику, которая определяет основу маскулинности. Фрейд экспериментировал с определениями экзистенциального толка. Он представлял маскулинность как воплощение активности, а феминность противопоставлял ей как воплощение пассивности (хотя он признал позже, что такой подход весьма примитивен). Затем от других исследователей последовали самые разные и красочные категории маскулинности: рискованность, ответственность, безответственность, агрессия, могущество Зевса... Пожалуй, самая интересная интерпретация, обращает внимание Коннелл, принадлежит социобиологу Лайонелу Тайгеру. Он высказался о том, что настоящая мужественность, если принять во внимание тенденцию мужчин к объединению в группы и ведению войн, есть результат жестких обстоятельств.

Но, подчеркивает Коннелл, слабость экзистенциального подхода очевидна - выбор сущности маскулинности весьма произволен. Казалось бы, многие экзистенциалисты могли бы придти к общему мнению, но нередко происходит обратное.

Позитивистская социальная наука, которая для определения характера маскулинности акцентирует внимание на фактах, дает следующее простое определение маскулинности: мужчины представляют из себя то, что они, в общем то, из себя представляют. Это определение является логической основой для отношения категорий маскулинность/феминность (М/Ж) в психологии. Эти категории определяются, когда происходит дискриминация мужских или женских групп. Определение является также логической основой для этнографического дискурса в контексте маскулинности. Данный дискурс описывает стиль жизни мужчин в разных культурах и называет такой стиль жизни маскулинным, в независимости от того, что этот стиль из себя представляет.

Нормативность маскулинности. Такой подход предполагает изначально наличие стандарта поведения настоящего мужчины. Но Коннелл отмечает здесь, что немногие мужчины воплощают образы, представленные СМИ. Таким образом, мы опять сталкиваемся со стереотипностью маскулинности.

Семиотический подход. Данный подход основывается на противопоставлении мужского и женского. То, что не женское, есть мужское и наоборот.

Интересно, что практически в каждом подходе, все таки, есть семиотическая

составляющая. До сих пор никак не удалось успешно преодолеть взаимную противопоставляемость мужского и женского, что говорит об их совершенно противоположной природе.

4.3. Репрезентация мужественности (маскулинности) в отечественной науке

Преподаватель Принстонского университета С.А. Ушакин пишет о мужественности применительно к российской научной действительности. В своей статье «Человек рода он»: знаки отсутствия" С.А. Ушакин пытается пересмотреть привычное положение вещей во взглядах на маскулинность в российской науке (С.А. Ушакин 2002: 20).

В начале своей статьи С.А. Ушакин, прежде всего, делает установку на то, чтобы оспорить мысль о доминирующем характере маскулинности как "естественном". Свои рассуждения С.А. Ушакин подкрепляет материалами из работ французского социолога и философа Пьера Бурдьё (С.А. Ушакин 2005, www). Как дает понять Бурдьё, мужское господство нельзя объективно осмысливать в мыслительных схемах традиционных понятий, так как они являются продуктами этого самого мужского господства и, соответственно, не могут претендовать на объективность. И, как выход из этого замкнутого круга, Бурдьё предлагает сначала выяснить каким образом мужская мировоззренческая иерархия стала возможной, взглянуть на это становление вне системы, таким образом, объективировав "мужское", что позволит рассматривать его с нейтральной позиции, как и всю систему отношений.

То есть Бурдьё предлагает начать, если можно так выразиться, с чистого листа. И на данный момент, считает Бурдьё, "мужское", "мужской порядок", централизованы в системе настолько, что не нуждаются в признании этого (С.А. Ушакин 2005: www). В языке, например, это выражается в нейтральности и немаркированности мужского рода. Как следствие, все остальное по отношению к "мужской норме" получает статус "вариаций" и "исключений". Именно поэтому, как считает Бурдьё, восприятие маскулинности должно выйти за рамки его объективности, чтобы дать возможность взвешенно взглянуть на всю систему половых отношений. Для этого Бурдьё считает нужным учитывать при анализе становления и осуществления "мужского господства" *социально-грамматический эффект*, который породил "*начальные формы*", то есть те

правила и установки, которые являются основой для появления новых правил и установок и по сей день, тем самым замыкая круг.

С.А. Ушакин согласен с точкой зрения Бурдые и сам определяет статус понятий "мужчина", "мужественность" как "самоочевидный". Эта самоочевидность и придает категориям "пола" и "половой идентичности" такой неоспоримый характер. Но корни проблемы, согласно С.А. Ушакину, при анализе маскулинности в отечественной науке, следует искать и в самой терминологии. С.А. Ушакин указывает на то, что сама суть анализа искажается и теряет смысл, так как этот анализ основан на термине "гендер", который, в результате своей неэффективной транслитерации с английского языка потерял свой первоначальный смысл (см. раздел 1). Это привело к терминологической неразборчивости, что и принесло сумятицу в анализ "мужественности" и "пола" в отечественной науке. Все это приведет ни к чему иному, как "гендерному тупику", простаиванию гендерных исследований в России, делает вывод С.А. Ушакин.

На основе такого специфического положения "гендера", С.А. Ушакин рассматривает содержание и конфигурацию отечественной "мужественности"(С.А. Ушакин 2002: 21). С.А. Ушакин проводит пересмотр традиционных подходов к исследованию мужественности и пытается выйти за пределы "самоочевидности" категории. С.А. Ушакин выделяет 3 основных тезиса, применяемых к мужественности: тезис о *плюралистической мужественности* (где мужественность определяется за счет "мужских практик"), тезис об *относительной мужественности* (определение мужественности предполагает противопоставленную ей женственность) и тезис о *показательной мужественности*(отображение "мужественности" как таковой - целостной, суть которой отображает некий скрытый, сущностный смысл).

С.А. Ушакин дает понять, что за "фасадом" мужских практик плюралистической мужественности не стоит объективных причин для того, чтобы считать эти действия исключительно выражением мужественности; что есть исключительный набор мест для времяпровождения мужчины, но отсутствует вопрос о самой цели и характере формирования на основе этого феномена "мужчины" (С.А. Ушакин 2002: 22). Или, например, С.А. Ушакин задается вопросом, является ли эта показательная, целостная мужественность отображением действительности?

Для ответа на этот вопрос, С.А. Ушакин приводит размышления Джудит Батлер над метасущностью "мужского"(С.А. Ушакин 2005, www). Прежде всего, Батлер признает наличие у любой идентичности цитатности, повторение которой в разных контекстах и обеспечивает существование данной идентичности. "Цитаты" не

предполагают биологической предопределенности. Скорее, эти цитаты предстают как свободные агенты, которые могут комбинироваться в любом виде. Как атомы они носятся вокруг, пока некоторые из них не соединятся в прочную молекулу (образ), которая подтвердит свое право на существование прочностью связанных атомов и не распадется. Поэтому соединение этих "цитат" в мужские образы, не является обоснованными историческими процессами или обстоятельствами окружающего мира. Характер успешного соединения цитат, считает Батлер, зависит от свойства формируемого образа поддерживать устойчивость "сцеплений" между цитатами, т.е. от свойства образа быть гармоничным и не рассыпаться как картонный домик. На основе этих умозаключений Батлер делает вывод, что никакой половой идентичности за проявлениями пола не существует, что это "проявления" выстраивают мужской образ, а не мужской образ порождает проявления. Таким образом, пишет С.А. Ушакин, проявления мужественности являются мимикрией, под поверхностью которой ничего нет. С.А. Ушакин называет это "наличием отсутствия".

Образы мужественности, составленные из мимикрических проявлений, С.А. Ушакин называет "футлярами", которые функционируют лишь в демонстративных целях (С.А. Ушакин 2002: 30). Эти футляры заполняют внутреннюю пустоту, скрытую за броней проявлений мужественности. С.А. Ушакин пишет, что цитатный характер представляемого пола, позволил Батлер говорить о становлении свойств воспроизводимости, повторяемости мужского образа, что придает ему (образу) представляемость такую же твердую, как представляемость биологических половых признаков. Но твердая представляемость не должна вводить в заблуждение, так как это незыблемость понятия была достигнута идеализированными, замещающими признаками. Эти представления о мужественном, составленные из таких признаков, циклично воспроизводились в процессе истории, пока не стали настолько привычными, что начали восприниматься как беспрекословная истина - заканчивает мысль С.А. Ушакин.

Даже мозаичность культуры сегодняшнего дня не меняют ситуацию, пишет Ушакин (С.А. Ушакин 2002: 31). Постмодернистский взгляд на мир представляет настоящего мужчину в разных ипостасях, но, не важно, будь то защитник слабых или хладнокровный наемный убийца, общие представления о мужественности будут одинаково соответствовать и тому и другому образу согласно уже давно сформировавшимся тенденциям, то есть, можно сказать, в некотором смысле согласно гендерным стереотипам.

5. Свойства гендерных стереотипов маскулинности по Т.Б. Рябовой

Т.Б. Рябова в своей книге приводит материалы о содержании мужских стереотипов в противопоставлении женским (Т.Б. Рябова 2008: 39-47). В 1968 г. группа ученых (И.Броверман, С. Фогель, Д. Броверман, П. Розенкранц, Ф. Кларксон) опросили респондентов, где от них требовалось присвоить стереотипные характеристики мужественности и женственности. Мужественность, в результате опроса, получила следующие характеристики: агрессивность, логичность, активность, амбициозность, грубость, неэмоциональность. При анализе результатов опросов, отметили, что представители обоих полов демонстрировали высокий уровень согласия в отношении того, какие качества можно считать мужскими, а какие женскими. Следовательно, приведенные выше характеристики можно считать объективными.

Т.Б. Рябова пишет, что стереотипы мужественности широко эксплуатируют качества связанные с деятельностью и активностью (предприимчивость, решительность, настойчивость, потребность в достижении цели и в соревновании, нонконформизм, жажда приключений, отвага, самоконтроль, уверенность в своих силах, стремление к оригинальности, умение делать бизнес). В противовес этому женщине приписывается пассивность, нерешительность, осторожность, забота о соблюдении норм, конформизм.

Согласно опросу, к мужским характеристикам относят позиции власти и управления: стремление к лидерству, амбициозность, властность, сила, ответственность, объективность, умение принимать решения, реалистичность, логичность, рациональность, склонность к размышлению, более быстрый ум, критичность восприятия, находчивость. Также, пишет Т.Б. Рябова, стереотипизации подвергается круг социальных ролей мужчин.

Свойства гендерных стереотипов обычно связываются вместе в схематизированные обобщенные образы мужчин и женщин. Попытки определить это понятие привело к возникновению двух групп: первая покрывала структуру стереотипа, а другая -гендерные отношения, возникающие в процессе стереотипизации.

Весьма объемлющим представляется определение Р. Эшмора, Ф. дель Бока, А. Волерса: "Гендерные или полоролевые стереотипы – это структурированный набор представлений о персональных характеристиках мужчин и женщин" (Т.Б. Рябова 2008: 27). Насколько это определение просто, настолько понятно и естественно. Стереотипы

того, что значит быть мужчиной предопределены с самого начала и навязываются мужчинам как правило. Данные стереотипы обычно содержат "истинно" мужские личностные качества, поведенческие особенности и эмоциональные характеристики.

Гендерные стереотипы всеобщие, но в то же время они существуют в определенном культурно-историческом контексте. Таким образом, мы можем говорить о специфических стереотипах "русской мужественности", которые рассмотрим в следующем разделе.

6. Исторически обусловленные типы русской мужественности по Е.А. Здравомысловой, А.А. Темкиной

В конце XX века в России стали проявляться признаки изменения социальных характеристик общества. Согласно Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, это было явление "запаздывающей" модернизации российской общественности под влиянием глобализации (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 432). В подвергшиеся изменениям социальные характеристики входили категории гендерного порядка. Здесь под гендерными категориями Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина подразумевают социально-культурный спектр, охватывающий взаимоотношения (личные и общественные) между полами. Данные изменения были спровоцированы не только переменной структуры общества, пишут Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, но и самим контекстом гендерных отношений. Какие же гендерные модели установились в ходе трансформации общества в постсоветский период в контексте позиции мужчин в обществе? Повлекло ли это за собой изменения эталона мужественности в российской действительности как такового? Для выяснения этих вопросов Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина анализируют гендерные отношения в советский период.

6.1. Диагноз "Кризис маскулинности"

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина анализируют как в либерально-критическом советском дискурсе обсуждались гендерные проблемы, в частности, так называемый "кризис маскулинности" (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 434-435). В 1970-1980-е гг. обсуждение кризиса маскулинности было представлено как в российском либеральном дискурсе, так и в западном. Существовали, однако, серьезные различия в аргументации. В западном обществе кризис маскулинности считался следствием давления общественного мнения, которое предписывало "настоящим" мужчинам нерушимое исполнение некоторого набора ролей. Предполагалось существование некоторой модели истинной мужественности, алгоритм поведения модели настоящего мужчины.

В позднесоветском же дискурсе, поясняют Е.А. Здравомыслова и А.А.

Темкина, "кризис маскулинности" был метафорой, за которой скрывалась критика социума, его неправильного уклада. Суть критики заключалась в невыполнении традиционных мужских ролей в связи с ограничениями либеральных прав (собственности, политических свобод, свободы совести). Эта невозможность выполнения мужских моделей поведения подразумевалась как причина разрушения истинной мужественности, хотя открыто это не заявлялось вплоть до 1980-х гг.

Исследование Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной показало, что кризис маскулинности может быть признан объективным фактом. Термин "Кризис маскулинности" означал состояние относительной ограниченности мужского пола в проявлении своей мужественности, что было сформулировано в лозунге позднесоветского времени: "Берегите мужчин".

Для того, чтобы выявить наличие кризиса маскулинности Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина анализируют дискурс 1970-х гг, а в частности статью советского демографа Ц.Б. Урланиса в "Литературной газете", с которой началось обсуждение этого феномена (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 435). В 1980-х дискуссия продолжилась. Как пишут Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина были выделены следующие признаки кризиса маскулинности: низкая продолжительность жизни мужчин по сравнению с женщинами, и самодеструктивные практики, которыми были пьянство, алкоголизм, курение, "неумеренность в еде", несчастные случаи как печальная "привилегия" именно мужчин, рост заболеваемости среди мужчин.

В конечном счете, Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина делают вывод, что факты представлялись таким образом, что получалась наглядная печальная картина, в которой мужчина был трагическим персонажем. Сформировалась теория виктимизации мужчин, согласно которой из мужчин получались пассивные жертвы собственной биологической природы и социокультурных обстоятельств. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина рассматривают следующие аргументы дискурса, объясняющих эту теорию:

1) *Демографический аргумент*: мужчины в меньшинстве в России на сегодняшний день. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина приводят исследования Ц.Б. Урланиса на эту тему (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 436).

2) *Биологический аргумент*: мужчины описываются как биологически менее жизнеспособный вид. "Мужчины в среднем живут на 10 лет меньше, чем женщины". В силу этого аргумента делается заключение, что по данным статистики можно признать мужчину слабым полом. Приводится свидетельство "большой биологической

жизнестойкости женского организма" (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: там же).

3) *Модернизационные аргументы*: развитие технологий в современном мире подрывают степень проявления мужественности. Мужчины больше женщин вовлечены в публичную сферу. Отсюда, как пишут Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, ссылаясь на Ц.Б. Урланиса, происходит кризис маскулинности как плата за гендерный разрыв в публичной сфере в пользу мужчин. Как доказательство приводятся факты того, что во всех индустриальных странах продолжительность жизни мужчин ниже, чем у женщин. В то время как 1970-х гг. в Шри-Ланка, Индии, Пакистане, Кампучии, Верхней Вольте, где индустриализация пока не произошла в полной мере, отмечалась противоположная ситуация.

Кризис маскулинности по Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной обнаруживается при сравнении идентичности российского современного мужчины с нормативными "другими" типами русской мужественности (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 441).

6.2. Нормативные модели советской и русской мужественности

1. Гегемонная советская маскулинность. Основой этой модели маскулинности, как пишут Е.А. Здравомыслова и Е.А. Темкина, выступал культовый образ отца (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 441). Настоящим мужчиной считался превосходный рабочий, Герой Социалистического Труда и герой Великой Отечественной Войны. Этот образ предстал на страницах газет, на полотнах картин, на экране кино в самом положительном свете. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина приводят отличительные характеристики этой модели по Юрию Леваде. Об этой модели он писал как о полном исключении, эксклюзивном представлении мужественности. Советская модель отличалась от всех мужчин всех других обществ и времен. Система ценностей здесь была с государственными целями, т.е. являлась государственно-патерналистской, в которой выполнение поставленных целей было делом государственной важности. Основой всего была государственная служба. Жизненный опыт советского мужчины, его пройденный путь - это путь солдата-освободителя, строителя могучей советской державы. Таким образом, в глазах

юных мальчиков старшие мужчины представляли определенный авторитет, так как их жизнь была наполнена смыслом. Служить родине само по себе считалось мужским призванием. Служение родине мог увенчать успех, т.е. полная реализация маскулинности - признание героем.

Еще одна немаловажная черта данной модели маскулинности это мужская дружба в сочетании с готовностью подчинения, которую Ю. Левада назвал "иерархическим эгалитаризмом". Это представляло собой соединение жесткой субординации с этосом товарищества. Этой стороне маскулинности также свойственны догматизм и нетерпимость в личности, которые в положительном варианте представлялись как верность принципам. Психология данного типа мужчины формировалась под воздействием его основной военно-защитной функции.

Здесь Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина обращаются к героизму советской маскулинности (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 442). Героизм был основной чертой образа отца позднесоветского мужчины. Примерами героизма являлись: борьба с врагами, готовность к самопожертвованию, отказ от личной жизни в создании могучей супердержавы. Прославлялся образ защитника отечества. Именно отец является чистым культурно-антропологическим типом "простого советского человека". Исходя из этого Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина делают вывод, что советская маскулинность рассматривается через призму государственного служения в военной ипостаси.

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина приводят мнение Ю. Левады, что "главная особенность нормативных установок человека советского состояла в том, что они никогда не могли быть исполнены, более того, их неосуществимость всегда была условием их существования" (Е.А. Здравомыслова, А. Темкина 2002: 443). Гегемонный норматив советской маскулинности представал, очевидно, нерелевантным в позднесоветском дискурсе. Ценности, когда-то оправданные определенными обстоятельствами во времени, теперь потеряли былой смысл (исчез образ прямого врага, никто не посягает на Родину).

2. Традиционная русская маскулинность. По Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной данная модель содержит две версии образа традиционной русской маскулинности (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 443). Первая модель это российский мужик. Как свидетельство в пользу данного образа Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина обращают внимание на русскую прозу (В. Распутин, В. Солоухин, В. Белов, Ф. Абрамов), которая в 1970-х гг. эксплуатировала образы патриархального

крестьянина-труженника, собственника, общинника, философа.

Вторая модель это дворянин-аристократ, который в своих действиях руководствуется принципами сословной гражданской чести. Эти герои в большом количестве населяли образцы классической российской литературы, которая является частью обязательной школьной программы в России. Данная мужская модель построена на аристократическом статусе, которой несет с собой некоторый набор прав и обязанностей. Эти права и обязанности составляют кодекс чести настоящего мужчины. Мужчина-аристократ - гарант и защитник женщины. "С дамами человек чести учтив и заботится о их репутации" (Е.А. Здравомыслова, А.А.Темкина 2002: 443). Если эти негласные правила не соблюдаются, мужчина теряет признание общества. Ритуал и символ защиты мужской чести - поединок, дуэль. Жесткие требования дворянского кодекса чести были вписаны в патриархатную структуру сословного общества, где женщина играла роль объекта, который нуждается в защите. Характерным героем такого типа был декабрист: человек чести, свободы, вольнодумец и дебошир.

Как отмечают Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, данные нормативные модели настоящего мужчины были недостижимы для советского обывателя(Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 445). Например, мужчины с характеристиками декабриста (уверенный, любезный, куртуазный, дебошир) были мечтой советской интеллигенции и воспевались лучшими образцами советского творчества.

6.3. Альтернативные образы и практики маскулинности в контексте дискурса о кризисе маскулинности

Советская система, анализируют Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, давала очень мало шансов воплотить нормативные модели укрепившиеся в коллективном сознании советских людей (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 448). Но все-таки некоторые фрагменты этой модели находили выражение в других практиках поведения, которые не принимались как традиционные официальным советским обществом. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина приводят некоторые альтернативные выражения позднесоветской маскулинности, целью которых было компенсировать практики маскулинности и протест против советской гендерной системы. Эта компенсирующая

маскулинность имела патриархатный характер и находила выражение в советской неформальной или квазипубличной сфере.

Примерами этой квазипубличной сферы хорошо служат теневая экономика, диссидентское движение, культурные, элитные среды. Гендерная конструкция в этих сферах была гораздо более патриархатной, чем в советской квазиэгалитарной. Мужественные ценности здесь (политическое участие, экономическая независимость, своеобразный стиль и сексуальность) выражались в межгендерных взаимодействиях. Деяние, Честь, Стиль были атрибутами альтернативных маскулинностей, пишут Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина.

Женщины, живущие по этим взаимодействиям, становились подругами, музами, домашними хозяйками, которые обеспечивали мужчинам их эффективную деятельность. Таким образом, экспрессивная обстановка в семье, поддержание которой была функцией женщины, давала почву для функциональных действий мужчины. Женщина осуществляет заботу о мужчине, который занимается "настоящим мужским занятием".

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина заключают, что в среде контркультуры частично применялись практики истинной мужественности, доступные в позднесоветское время: мужская дружба, групповые выпивки, спорт, туризм, сексуальные приключения.

6.4. Появление дискурса о новой мужской идентичности

По мнению Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, вопрос идентичности является важным вопросом современного российского общества (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 450). Как они утверждают, в данный момент происходит постоянная перемена структур, общество находит себя, обсуждает, переопределяется. Современный дискурс состоит из разрушения и конструирования идентичности, создания новых личных и коллективных историй, коррекции, возрождению гендерных отношений на определенных структурах, переосмысления моделей, самоопределения по полу и половым обязанностям. Становление гендерных отношений в постсоветский период это переоценка старых и примерка новых моделей мужественности. Реформы в России принесли с собой перемены, которые раньше не давали возможности

воплотиться некоторым сторонам мужской модели поведения.

Перемены дали шанс сформироваться и утвердиться новой мужской идентичности в России. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина комментируют убеждения либеральных критиков, основателей идеологии "перестройки", которые говорят, что новые либеральные свободы и демократическое устройство дадут новый простор для экспрессии мужественности в патриархатном ключе (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: там же). Частная независимость принесет новые практики выражения маскулинности и вернет женщину в рамки традиционной роли в обществе. Новая мужская идентичность строится на основе тех самых мужских ценностях мужественности, которые были недоступны для мужчин в советский период. В основе ее лежит рамка из фрагментов недостижимых идеологизированных *других*. Дискурсивными средствами для формирования новых мужественностей, пишут Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, могут служить профессионализм и автономия "ковбоя", "настоящая мужская профессия" защитника Родины или либеральные взгляды, честь и достоинство дворянина.

Появляются однородные (гомосоциальные) сферы деятельности, профессии, субкультуры, образы, вкусы. Новая идентичность мужчины отличается наступательным характером. Из жертвы позднесоветского критического дискурса идентичность нового мужчины, постсоветского, стремится к гегемонии. Для него публичная или государственная зависимость неприемлимы.

Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина в ходе исследования приходят к выводу, что, стилистически, образ мужественности широко оформляется как физически сильный, здоровый, богатый, дорого и со вкусом одетый мужчина.

Таким образом, делают вывод Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина, кризис маскулинности преодолевается через патриархатный путь и образ мужчины как либерального субъекта является основой настоящего патриархата, никогда не достигавшегося в советское время.

6.5. Репрезентация мужественности в современной России

Каков же образец мужественности и настоящего мужчины в России в начале XXI века? С.А. Ушакин в своей статье "Видимость мужественности" пишет, что в

реальности его нет, а есть лишь так называемая "видимость мужественности", за которой нет никакого натурального содержания. С.А. Ушакин объясняет свою теорию на примере модели настоящего мужчины, распространяемой российскими СМИ после развала Советского Союза (С.А. Ушакин 2002: 481).

Суть концепции С.А. Ушакина состоит в том, что мужественность представляет собой инсценированное явление, феномен, обладающий, прежде всего, показательным характером, направленным на определенного зрителя. Ввиду того, что мужественность есть, своего рода, создаваемая "видимость", это, в свою очередь, придает ей факторы иллюзорности и символичности, что позволяет взглянуть на "мужественность" под совершенно иным углом.

Прежде всего, С.А. Ушакин указывает на то, что на сегодняшний день средства массовой информации являются одним из самых влиятельных и активных агентов по формированию половых идентичностей. Влияние данного "идеологического аппарата" является масштабным, всепроникающим. С.А. Ушакин заостряет внимание на "мужских" журналах, как одном из видов СМИ. На примере журналов для мужчин С.А. Ушакин показывает, что в сегодняшней постмодернистской культуре происходит формирование различных моделей "настоящих мужчин", которые начинают конкурировать между собой. На примере "мужских" журналов это выглядит как продвижение каждым из журналов определенных практик и набора атрибутов, которыми должен обладать "настоящий" мужчина.

Но, как пишет С.А. Ушакин, за "мужскими" практиками и атрибутами нет содержания (С.А. Ушакин 2002: 483). Все они имеют выставочный характер. Знаками качества являются отдых в Париже, дорогие марки автомобилей, модный одеколон и т.д. Но эти знаки лишены смысла, который бы объяснял почему настоящий мужчина должен обладать именно этими атрибутами. Таким образом, С.А. Ушакин говорит о том, что сущность мужественности скрыта за "доспехами" символов-атрибутов и практик. С.А. Ушакин обращает внимание, что эти "доспехи" начинают заполнять содержание, которого просто нет, т.е. практики и атрибуты начинают играть роль несуществующего составляющего "мужественности". В итоге, пишет С.А. Ушакин, представители мужского пола, взрослея, примеряют на себя символы мужественности, накапливают их и воспроизводят в повседневной жизни, что и обозначает их половую идентичность в обществе.

В контексте психоанализа репрезентация "мужественности" выглядит как некоторый набор символов (С.А. Ушакин 2002: 484). Символы в психоанализе

предстают как элементы, которые со временем приобретают свою символическую природу и теряют связь со своей фиксированной идентичностью. Эти элементы складываются в образы, которые являются "переводами, не имеющими оригинала". Репрезентация "мужественности" предстает перед нами не как непосредственная реальность, а как иная форма репрезентации. При таком рассмотрении образов "мужественности", пишет С.А. Ушакин, следует обращать внимание на отношения между образами, их ассоциативность. Пол предстает как символическая конструкция, символы которой ассоциируются с определенной группой, которым присуще свои символические средства репрезентации. С.А. Ушакин пишет, что в такой ситуации делается возможным анализ образов "мужественности" как продукта риторической деятельности, как результат непрерывного производства символов и смыслов с целью выявить происхождение этих смыслов и характер процесса их становления (С.А. Ушакин 2002: 484).

Таким образом, С.А. Ушакин рассматривает "мужественность" с точки зрения риторики. Для этого он берет различные метафоры мужественности. Например, метафора медведя, которую использует мужской журнал "Медведь" (С.А. Ушакин 2002: там же). В ней Ушакин выделяет две стороны "мужественности": мужественность как независимость, определенность и мужественность как агрессия, стихийность, инстинкт, природная необузданность. С.А. Ушакин показывает как в журнале "Медведь" данный символ был подвержен новой "цивилизационной" обработке. Независимость стала пониматься как независимость профессионала, а мужская агрессивность вылилась в героизацию впечатляющего потребительства.

Общим приемом, которым пользуются СМИ для стимулирования желания по достижению рекламируемого образа жизни, который, очевидно, пытаются идеализировать для извлечения материальной выгоды, является ставка на самолюбование, которое становится самоцелью (С.А. Ушакин 2002: 492). Желаемый результатом здесь является зримый эффект. Образы эти предлагаются как идеальный облик, которые примеряются мужчинами, если они пытаются соответствовать стилю жизни свойственной "настоящей" мужественности.

С.А. Ушакин пишет, что одной из главных предпосылок воплощения мужественности является реализация мужских качеств - доказательство своей самодостаточности и уникальности. Когда этого не происходит, то случается то, что западные исследователи называют "кризисом маскулинности". Неспособность следовать укоренившимся с прошлых времен нормативам мужественности ведет к

невозможности полноценной реализации себя как мужчины. Такие ситуации, подчеркивает С.А. Ушакин, возникали и ранее, например, после окончания средневековья, когда жизнь изменилась и был совершен переход от мужского "героизма" к более повседневной, менее воинственной мужественности (С.А. Ушакин 2002: 499).

Такого рода направление мужественности в иное русло после развала Советского Союза можно наблюдать на примере становления главного мужского достоинства постсоветского мужчины - профессионализма. В советское время культ героев войн (Отечественной, афганской) был актуальной нишей реализации мужественности, в то время как в современной России обстановка другая и требует новых решений. Таким образом, мужественность в России была воплощена в модели самодостаточного мужчины-профессионала, который выстраивает свой мир вокруг себя, где он хозяин. В этом новом облике творца своей судьбы и успеха прослеживается, пишет С.А. Ушакин, нарциссическая мания величия, самосозерцание.

Как было сказано выше, атрибутика, которая соответствует мужественности, консолидирует образ "настоящего" мужчины, представляя форму без очевидного содержания. Как следствие, необходимая атрибутика становится предметом мании, потому что обладание ею якобы говорит о твоём статусе "настоящего" мужчины. С.А. Ушакин пишет, что здесь еще раз обнажается отсутствие содержания за формой, просматривается явление того как форма образует содержание, а не наоборот (С.А. Ушакин 2002: 501). Бурдые, цитируемый С.А. Ушакиным, представляет это желание мужчин обладать некоторыми вещами, ассоциируемыми с наличием "настоящей" мужественности, как стремление уравнивать "бытие" с "видимостью". Например, обладание дорогим автомобилем делает мужчину автоматически ближе к образу "настоящего" мужчины, хотя автомобиль всего лишь объект демонстративного характера.

Демонстрация атрибутики мужского имеет свои корни в прошлом. Подобно тому, как настоящие рыцари не мыслились без своих сияющих доспехов, добротного меча и боевого, холеного коня, так и сегодняшний образ "настоящего" мужчины не мыслим без костюма элитного бренда, дорогого мобильного телефона и мощного, современного автомобиля.

Как пишет С.А. Ушакин, в журнале "Медведь" можно четко проследить милитаризацию повседневной жизни мужчины, которая в тексте журнала реализуется представлением бытовых вещей как оружия борьбы со скукой (С.А. Ушакин 2005,

www). Примером может служить описание работы акустического усилителя, которым "вооружен" обладатель-мужчина для борьбы с тишиной. С.А. Ушакин показывает, что это соответствует выводу Бурдые, который пишет, что если практически мужественность невозможно полностью реализовать, то "мужественность" начинает выражаться предметно, за счет наличия атрибутов, которые заменяют ее деятельность.. При таком подходе мужественность становится опосредованной и достигается путем соответствия тем или иным тенденциям на рынке, придерживаясь которых индивид признает в себе "настоящего" мужчину.

7. Стереотипы современной мужественности в образе главного героя телесериала "Бригада" (2002) Александра Белова

Как мы уже писали, целью данной работы является анализ стереотипов современной российской мужественности, воплощенных в образе Александра Белова, на основе наиболее поздней текстовой версии сериала "Бригада". Для этого мы разберем литературный портрет нашего персонажа, а также рассмотрим его "мужские" практики и атрибуты. О некоторых примерах таких практик и атрибутов мы говорили в разделе 7.5.

Как было выявлено в разделе 4.1., маскулинность в рамках гендерной теории есть конструируемое понятие. Перед нами лежит задача показать сконструированную маскулинность персонажа Белова в современном популярном телесериале и его книжной версии путем анализа его стереотипных качеств.

Таким образом, анализ текста, учитывая категорию гендерного стереотипа (см. раздел 3), будет направлен на выявление в одном конкретно взятом персонаже (Александр Белов) ярко выраженных гендерных стереотипов, из которых конструируется его образ. Литературный персонаж художественного произведения часто представляется яркой личностью за счет его стереотипизации. Также можно предположить, что при создании персонажа может быть использован не один, а несколько стереотипов, что делает персонаж выдающимся представителем мужественных качеств.

Определять гендерные стереотипы как мужественные нам поможет материал Т.Б. Рябовой о свойствах мужских гендерных стереотипов, представленный в разделе 5.

7.1. Объект исследования

«Кто они на самом деле – просто бандиты или настоящие мужчины, сделавшие рэкет своей профессией? И почему они стали такими, вот в чем вопрос!»

Аннотация к книге «Бригада. Бои без правил»

Объектом исследования данной работы является книга «Бригада» Александра Белова. Издана «ОЛМА-ПРЕСС Эклибрис», Москва, 2003.

Примечательно, что псевдоним автора соответствует имени главного персонажа романа - Александра Белова. Как мы выясним далее, текстовая версия "Бригады" по своей структуре напоминает текст сценария. Сценарий сериала является продуктом коллективного творчества Алексея Сидорова, Игоря Порублева и Александра Велединского (Фильм "Бригада", www). Соответственно, можно предположить, что имена сценаристов заменили более узнаваемым именем А. Белова из коммерческих соображений.

Прежде всего следует обратить внимание при рассмотрении текста, что мы имеем дело с текстуализацией, так называемым кинороманом.

Кинороман - книжная версия популярного фильма или телесериала (В.Д. Черняк, М.А. Черняк 2009: 57).

Как пишут В.Д. Черняк, М.А. Черняк, печатная версия фильма появляется практически всегда в случае востребованности экранной версии. Многие издательства имеют серии "Кинороман", которые включают в себя исключительно текстуализации известных фильмов и сериалов.

Таким образом, можно говорить о производстве кинороманов как об отдельной индустрии. Само повествование киноромана практически всегда повторяет повествование его экранной версии. В подтверждение тому, из материала, представленного В.Д. Черняк, М.А. Черняк, следует вывод, что кинороман не соответствует литературному произведению как таковому, так как его основной целью в большинстве случаев является перевод в прозу визуального повествования, а не написание полноценного литературного произведения(В.Д. Черняк, М.А. Черняк 2009: там же).

Соответственно, если задачей киноромана является воспроизвести в текстовой форме экранную версию, можно предположить, что кинороман близко связан с печатной версией сериала, которая уже написана и доступна еще до выхода фильма на экран - сценарием.

Один из обозревателей журнала «Самиздат» дает рецензию на публикацию этой книги. В рецензии он называет книгу «литературной версией» одноименного сериала: "Что касается романа, то это похоже на киносценарий, из которого убрали ремарки и спец-пометки, заменив их связным текстом и еще малость "разбавив" (Храмов 2003, www).

Действительно, если добавить в текст специальные пометки «отъезд», «наезд» для оператора кинокамеры или другие пояснения в скобках, которые используют при съемках фильма, то можно предположить, что перед нами обработанный сценарий к фильму. Написан он сухим, простым языком. В большинстве своем текст состоит из диалогов, почти идентичных диалогам в телесериале. К этому приводится короткое описание манеры поведения персонажей и пересказа хода их мыслей.

А.М. Червинский в своей книге «Как хорошо продать хороший сценарий» отмечает, что "есть общие приемы и правила расположения текста сценария на бумаге для вызывания максимума эмоций" (А.М. Червинский 1993, www). Нужную форму записи А.М. Червинский обуславливает тем, что в ней отсутствуют необычные слова или сложные синтаксические обороты, которые отвлекают на себя внимание. Читатель начинает задумываться, например, над незнакомым словом, что заставляет его приостановить ход воображения и осмыслить, что же он прочитал. Для сценария такой ход представления повествования противопоказан. Главная суть данного пункта состоит в том, что текст должен быть написан так, чтобы его было приятно и легко читать.

Второй пункт, который приводит А.М. Червинский, состоит в том, что на страницах текста должно быть то, что будет на экране. Здесь стоит привести отрывок из уже приводившейся выше рецензии на исследуемую книгу из журнала "Самиздат": "Главы идут точь-в-точь в том порядке, как в сериале шли сцены, без отклонений... диалоги оставлены слово в слово" (Храмов 2003, www).

Как пишет А.М. Червинский, сценарий состоит из действия, описания, диалога "и больше ничего" (А.М. Червинский 1993, www). А.М. Червинский отмечает, что сценарий компенсирует отсутствие авторских мыслей, отступлений и внутренних переживаний персонажей (хотя в изучаемом тексте внутренние переживания главного персонажа Белова присутствует в минимальном количестве) и информации об этих самых персонажах обильной подачей диалога. Здесь стоит отметить, что текст исследуемой книги написан преимущественно в форме диалога.

А.М. Червинский советует сосредоточить внимание на деталях туалета, прически, манеры двигаться, окружении и привычках персонажа вместо подробного описания его внешности. Суть этого приема А.М. Червинский объясняет не только со стилистической точки зрения, но и с точки зрения здравого смысла: слишком детальное внимание к внешности персонажа привносит трудности в подборе будущего актера на роль.

Далее А.М. Червинский приводит следующий пункт, который следует соблюдать при написании сценария: простой разговорный язык. Как пишет автор, текст должен быть понятен школьнику старших классов. А.М. Червинский предостерегает от использования в сценарии технических терминов и выразительных, но не всем понятных слов.

Принимая во внимание рассмотренное выше описание черт сценария, можно сделать вывод, что перед нами все таки сценарий, над которым поработали перед выпуском его на рынок в виде издания.

Выяснив тип текста, на основе которого будет вестись работа, перейдем непосредственно к анализу персонажа Александра Белова.

7.2. Ход работы

В процессе анализа мы рассмотрим историю Александра Белова, его портрет, приведем аналогии его мужественности из истории и литературы и, таким образом, попытаемся выявить стереотипы маскулинности в нашем персонаже, и проанализируем характеризующие их практики.

История Саши Белова будет рассматриваться на фоне смены ценностей целого поколения в России во время распада Советского Союза. Таким образом, можно будет рассмотреть, какие мужские качества ценились прежде всего в позднесоветской России и какие - в постсоветской.

При анализе персонажа мы проанализируем его имя, портрет, попытаемся провести аналогии с различными образами мужественности. В рамках анализа персонажа будут также рассмотрены атрибуты каждой из типов мужественности, выявленных в Саше Белом.

В завершение основной части мы обратимся к восприятию сериала зрителями, критиками и рассмотрим его в гендерном контексте.

7.3. История персонажа

О детстве нашего героя почти ничего не известно, так как повествование о нем

начинается осенью 1989 г. на момент его последнего дня службы в армии. Известно лишь, что Белов рано потерял отца: в тексте его мать упоминает о двоюродной сестре "ее рано умершего мужа" (А. Белов 2003: 237). От чего он умер и при каких обстоятельствах - неизвестно.

Факт ранней потери Беловым отца интересен при соотношении с исследованиями Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной о кризисе маскулинности (см. раздел 6.1.) Из социальных последствий кризиса маскулинности исследовательницы выделяют именно появление большого количества матерей, воспитывающих детей без отца. Массовая безотцовщина привела, по мнению Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной, к формированию специфических образцов мужественности (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина 2002: 437).

Брутальная маскулинность, склонность к насилию, как полагали советские и западные ученые, есть результат воспитания мальчиков в подростковых гомосоциальных средах, где за счет отсутствия авторитета старших мужчин развивалось компенсаторное развитие мужской личности: "Воспитывающиеся без отца мальчики либо усваивают "женский" тип поведения, либо создают искаженное представление о мужском поведении как антогонистически противоположном женскому и не воспринимают всего того, что пытается привить им мать. В обоих случаях складывается вульгаризированное представление о мужском поведении как агрессивном, резком и жестоком... в сугубо кулачном смысле" отмечают Д.Н. Исаева и В.Е. Кагана [цит. по Здравомысловой, Темкиной: 437].

Белов в тексте предстает сыном именно матери-одиночки и проводит детство в гомосоциальной среде, компании сверстников мужского пола, с которыми и становится закадычными друзьями. Из анализируемого в данной работе текста становится понятно, что Белов уже в детстве был хулиганом и весьма драчливым: "отыскал на антресолях... свой старый, еще школьных времен, кастет" (А. Белов 2003: 32). Также персонаж заметно стремится антогонистически противопоставить мужское поведение женскому. На просьбу матери "Саня, возьми зонт, дождь будет!" он отвечает - "Да ладно! Не сахарный - не растаю!" (А. Белов 2003: 118).

Таким образом, можно сказать, что жизнь Белова до момента его появления в тексте буквально отражает кризис мужественности в советском социуме начиная с 1960-х гг. и до распада Советского Союза, потому что вырос Белов и формировался как личность в 80-х годах, когда кризис маскулинности проявлялся в довольно острой форме. Об этом кризисе пишут Здравомыслова и Темкина (см. раздел 6.1)

Белый изначально - персонаж военный, что уже многое может сказать о его характере и мировоззрении. Люди, прослужившие в армии, как известно, разительно отличаются от людей, такую службу не проходивших и имеют определенный набор стереотипных качеств, которые характеризуют их как военных. Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина рассматривают образ мужественности советского солдата в разделе 6.2.

Сам Белов активно воспринимает себя самого как военного: "Он старался не мчать, не торопиться - все таки не пацан, не салажонок стриженный. Как-никак - солидный человек, сержант! Можно сказать - опора армейского порядка и дисциплины..." (А. Белов 2003: 4). Делает он это охотно, так как армейская жизнь ему по-настоящему импонирует. Это хорошо видно по тому как персонаж с грустью размышляет о своей демобилизации - "дембеле": "Его армейская жизнь подошла к концу... Но зато в ней все было предельно ясно и просто - служба, казарма, наряды, караулы..."(А. Белов 2003: 6).

Сержант пограничных войск Белов успешно демобилизуется. Из его мыслей о своей службе в армии, можно сделать вывод, что она была удачной. Хотя в армии хватало трудностей и было совсем немного радостей (А. Белов 2003: 6), о своих днях там Белов отзывается в общем положительно, например, в разговоре с матерью: "Ты ведь в армии не служила... Поэтому не совсем понимаешь, что такое мужское товарищество!" (А. Белов 2003: 15). Таким образом, на основе Сашиной биографии советского периода можно сделать вывод, что эталон советской мужественности был связан с образом советского солдата, героя-защитника.

Еще в армии Саша формирует вполне определенные планы по своему будущему жизнеустройству: "А ведь еще надо было найти работу, подготовиться в институт и постараться поступить хотя бы на вечерний..."(А. Белов 2003: 7). Стоит отметить, что сам Белов не проявляет энтузиазма и с тоской думает о своем будущем: "Словом, хлопот - выше крыши!"(А. Белов 2003: там же).

Сразу после армии Белов приезжает домой, в Москву, и переживает череду насыщенных и ярких событий в личной жизни. Первой происходит встреча с матерью и друзьями после долгой разлуки. На этой встрече он и сообщает о своих будущих планах: "Ну, месяца три пошарашусь, а потом в горный институт поступать буду... Вулканы изучать..." (А. Белов 2003: 19). Его товарищи на это реагируют с удивлением и нескрываемым пренебрежением. Закадычные друзья Белого, в то время как он вырос в армии, выросли на улицах большого города, пошли "по воровской" (А.

Белов 2003: 20) и предлагают ему поступить так же вместо получения бесполезного образования. "Я сейчас в день столько делаю, сколько мой папаша на своей фабрике за месяц" - говорит Пчела (А. Белов 2003: 20).

Второе по важности событие, которое серьезно повлияет на судьбу нашего персонажа, это встреча с его возлюбленной - Леной. Лена, как выясняет Белов по приезду, его не дождалась (А. Белов 2003: 22, 24). Из-за своей девушки Белов вступает в конфликт с местным криминальным авторитетом Мухой (А. Белов 2003: 32) и, в итоге, вызывает его на поединок один на один, своеобразную дуэль (А. Белов 2003: 61). Здесь мы видим еще одно подтверждение мнению, изложенное в цитате Д.Н. Исаева и В.Е. Кагана выше, о проявлении у Саши Белова чрезмерной агрессивности, резкости и жестокости в "сугубо кулачном смысле".

Проходя через конфликт с Мухой, наш герой открывает для себя, что вернулся в уже изменившийся мир - мир, который до его отъезда на службу был другим. Данные наблюдения Белова объясняются хаотичным и неоднозначным временем действия - рубеж 1980-1990-х гг. Политические изменения в стране СССР привели к установлению иных идеалов в обществе. Белов выражает это следующими мыслями:

"Что же заставило тихую, мечтательную девушку [Лену] превратиться в бесстыдную шлюху, в бандитскую подстилку?! И вообще что происходит в этой жизни?! Почему Космос - профессорский сын, безобидный, в сущности, разгильдяй и обалдуй - связался с криминалом?... Самое страшное преступление, на которое он был способен раньше, - это стащить из библиотеки понравившуюся книжку. А теперь он таскает за поясом «тэтэшник» и как ни в чем не бывало палит из него в самом центре города! Что же, черт возьми, здесь происходит?! Почему все разом перевернулось и встало с ног на голову?! Неужели два года и в самом деле такой большой срок?.." (А. Белов 2003: 47).

Такие же размышления тревожат голову отцу одного из друзей Белого: "Таня, вы можете мне сказать, что произошло с нашими сыновьями?.. Когда это началось?" (А. Белов 2003: 205).

Внутренние перемены произошли и в Лене, которая перестала воспринимать Сашу, как достойного ее мужчину: "Ну какое будущее могло у нее быть с Беловым? Что мог предложить ей этот вчерашний солдатик, кроме своих армейских значков?" (А. Белов 2003: 57). Данная мысль Лены отражает размышления Е.А. Здравомысловой и

А.А. Темкиной в разделе 6.3. о тенденции в целой позднесоветской-постсоветской эпохе, когда образ настоящего мужчины сместился со своей прежней позиции и военный перестал быть его центральным и самым выигрышным носителем.

Несмотря на то, что все вокруг него изменилось, Белов придерживается своих планов (А. Белов 2003: 118) и не следует примеру занятых в теневой экономике друзей, хотя и поддерживает с ними дружбу. Но по ходу действия Белову не удается сопротивляться новым обстоятельствам времени и он оказывается замешан в убийстве в результате уличной драки (А. Белов 2003: 120).

Это роковое стечение событий положило конец всем первоначальным планам Белова и в жизни его происходит неожиданный оборот: "Вы что-то напутали!.. Какое убийство?! Он [Белов] только из армии пришел, в институт собирается..." - реагирует мать Саши на предъявленные обвинения (А. Белов 2003: 120). "У меня экзамены скоро..." - все еще не веря в происходящее, цепляется Белов за последние иллюзии, оставшиеся от его прежней, ушедшей навсегда в прошлое, жизни (А. Белов 2003: 128). И получает ответ от друга, который все ставит по свои местам: "Какие экзамены?! Забудь..." (А. Белов 2003: там же). Позже Белов и сам уже начинает сомневаться, что сможет воплотить свои планы в жизнь, зная насколько сильно он, близко общаясь со своими друзьями, оказался замешан в криминале (А. Белов 2003: 209).

Таким образом, начинает свой отсчет новый этап жизни Белова, в котором он пока еще не решил чем заняться: "Накрылся институт - это уже было абсолютно ясно, и с этим, видимо, надо было смириться." (А. Белов 2003: 131-132).

Находясь в розыске, Белов вновь ввязывается в драку на рынке, помогая своим друзьям, и проявляет первый, хоть и ироничный, интерес к их роду деятельности: "Да, братцы, интересная у вас работа!" (А. Белов 2003: 171).

Выходя из почти безвыходной ситуации в противостоянии с милицией, которая его разыскивала по подозрению в убийстве, Белов понимает, что его будущее связано с его друзьями "и, как часто случалось в их компании в затруднительных ситуациях, решил взять инициативу на себя"(А. Белов 2003: 221). Скрепив торжественной и искренней клятвой свою мужскую дружбу, Белов, таким образом, вступает в криминальную бригаду (А. Белов 2003: 222-223), а позже и возглавляет ее: "Саша стал во главе их поначалу небольшой команды" (А. Белов 2003: 240).

В итоге Белов сумел уйти от преследования милиции, но получил огнестрельное ранение. Чтобы спасти друга его товарищи по бригаде привозят Белого к своим "старшакам", которыми он, в силу тех действий, которые успел совершить в

начале своего криминального пути, "был принят как свой" (А. Белов 2003: 226).

Таким образом, вместо лекций по вулканологии Белый выслушивает то, что "можно было бы назвать лекцией по теории и практике организованной преступности" (А. Белов 2003: 230), которую ему дает один из авторитетов банды. Сашу, разглядев его способности, берут в оборот и его криминальная карьера сразу же начинает активно развиваться. Вскоре Саша проявляет себя в уличном побоище (А. Белов 2003: 235) и вымогательстве денег (А. Белов 2003: 236-237). В конце концов, он полностью проникается своим новым занятием: "...собирал дань с торгашей..., ездил на разборки, дрался... Все реже и реже его занимал вопрос - а хорошо ли все это?" (А. Белов 2003: 239).

Теперь у Белова был совсем иной план в жизни. Для него больше не существовало тех "наивных" советских представлений его ранней молодости о мужской профессии вулканолога. Теперь его гораздо больше притягивала криминальная сфера, о чем он и говорит в разговоре со своей будущей женой: "А мне нравится, Оль. Это такая жизнь... реальная что ли" (А. Белов 2003: 282). И делится в разговоре с ней своими новыми идеалами: "И море, море, огромное море денег! Знаешь, как мы года через два заживем? Даже не через два года, через год!" (А. Белов 2003: там же). Данный мужской идеал нового времени отражен в материале Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной в разделе 6.4 о появлении новой мужской идентичности в России, где мужчина уже предстает в роли независимой, сильной личности; который может обеспечивать себя и свою семью.

Данный образ от солдата к бизнесмену отражает и размышления С.А. Ушакина в разделе 6.5. Белов говорит о море денег, которые открывают ему двери к новым возможностям. С.А. Ушакин пишет именно об образе настоящего русского мужчины постсоветского времени, который выражает свою мужественность в денежном эквиваленте. После того как Белов "встал на ноги" он облегченно думает о себе, как о состоявшемся мужчине, которому уже и не стыдно рассчитывать на внимание любимой им женщины: "У него было свое дело, пусть не совсем законное, но зато денежное!" (А. Белов 2003: 242).

Признаки армейского прошлого Белова прослеживаются уже в самом начале его криминальной карьеры: "Да, теперь ему часто случалось быть жестоким, но таковы были особенности его новой профессии... В конце концов, ведь и в армии ему тоже доводилось применять силу, чтобы добиться порядка и дисциплины! Так в чем же разница?.." (А. Белов 2003: 239). И в свое окружение Белов отбирал людей с

военным прошлым, "отдавая предпочтение людям посolidнее, желательно прошедшим армию" (А. Белов 2003: 241-242).

Из вышесказанного можно предположить, что не важно в какой ипостаси воплощает себя мужчина - будь он военным или бандитом, все равно символы, которые репрезентируют его как настоящего мужчину неизменно перейдут из одного образа в другой. Если Белов, как "настоящий" мужчина, был успешным военным - за два года дослужился до сержанта, то и уголовник из него выйдет сильный - "бригадир", авторитет в своем окружении.

В итоге можно сделать следующий вывод из истории Белова:

1. Воспитание Белова в неполной семье способствовало формированию у него представления о мужском поведении как агрессивном, резком и жестоким. Взросление Белова проходило на фоне кризиса маскулинности и охватывает советский период со своим эталоном мужественности в образе военного героя. Образ военного времен Советского Союза дает нашему персонажу статус настоящего мужчины с самого начала повествования и является доминирующим образом персонажа вплоть до входа Белова в новую "перестроечную" жизнь советской России.

2. Происходит смена ценностей и слом стереотипов на рубеже распада Советского Союза и становлении новой России.

3. На замену более не действующему в новой системе ценностей образу военного приходит образ криминального главаря, занятого нелегальным бизнесом. Солдатские знаки отличия и мундир заменяются на дорогие машины и костюмы. Положение Белова приносит ему много денег, что делает его одним из тех мужчин, которые вызывают уважение у представителей своего пола и являются притягательными для представительниц противоположного.

Таким образом, можно говорить о переходе от мужского образа военного к мужскому образу предводителя преступной группировки. Что характерно, рассмотренная история персонажа говорит нам о переносе мужских стереотипных качеств из военного типа мужественности в новый тип мужественности новой России - эффективного и успешного менеджера из криминальной среды.

7.4. Имя персонажа и портрет

Имя персонажа - Александр Белов. Человеком из недавнего времени с таким же именем, существовавшим на самом деле, был Алекстандр (Александрович) Белов, который являлся советским баскетболистом. На последних секундах финального баскетбольного матча мюнхенской олимпиады он вырвал победу у сборной США.

Александр - распространенное в России имя, греческого происхождения - "защитник" (А. Хигир 2006: 195). Имя ассоциируется с мужчинами-победителями: "Александр - это победитель ...Саша Пушкин, Саша Невский, Саша Македонский - все были победителями!.. Да, еще три русских царя Саши..." (А. Белов 2003: 163).

Большинство знакомых с персонажем людей зовут его уменьшительным от Александра именем - Саша, Саня, Санек.

Близкие друзья персонажа иногда называют его по распространенному среди них прозвищу Белый, которое является производным от его фамилии - Белов. Позже именно под этой кличкой станет известен Белов в криминальных кругах (А. Белов 2003: 241). И фамилия, и кличка персонажа напоминают о белом цвете: светлом, чистом, незамутненном, непорочном - символе добра.

Согласно В.Е. Хализеву, при описании персонажа в тексте может использоваться его экспозиционный портрет и/или лейтмотивный (В.Е. Хализев 2002: 219). В анализируемом нами тексте присутствует экспозиционный портрет Саши Белова (А. Белов 2003: 172).

Для начала представим наиболее общий экспозиционный портрет. Наш персонаж является здоровым и крепким советским молодым человеком 20 лет с относительно заурядной внешностью: глаза голубые, волосы темно-русые, рост средний, телосложение спортивное.

Для продолжения описания портрета персонажа обратимся к лейтмотиву повествования. В разделе 3, где речь идет о гендерных стереотипах, мы выяснили, что формирование социальных ролей у человека начинается с самого раннего детства. В анализируемом тексте отсутствует описание жизни Белова до армии, но есть отсылки к ней. Кастет, например, показывает, что Белов с раннего возраста имел вполне определенные представления о том, какой должен быть мужчина. Обзавелся ли он кастетом, чтобы быть эффективнее в драках или как показательным атрибутом юного мужчины-воина - неизвестно. Но можно предположить, что в процессе взросления

(своей социализации) Белов, таким образом, выражает свои представления о правильном мужском поведении. О том какие у него об этом представления и свидетельствует наличие у десятиклассника такого опасного приспособления как кастет.

При рассмотрении гендерных проблем в теоретической части (см. раздел 2) говорится, что у личности, усвоившей определенную социальную роль, она проявляется в одежде, вещах, речи, поведении и взглядах на мир. Также из раздела 2.2 мы узнали из представленной работы под редакцией Костиковой, что факторами усвоения социальной роли в процессе взросления могут служить игрушки, отношение родителей к ребенку, сказки и литература в общем, школа и авторитетные взрослые. Про игрушки детства Белова ничего не известно, как и про многое другое, но вот его родителям, школе и литературным пристрастиям отведено несколько строк.

Известно, что черпать свои будущие представления о мужественности у отца Белов вряд ли мог в полной мере, так как тот рано умер. Таким образом, наш персонаж лишается потенциально авторитетного мнения взрослого мужчины и растет в гомосоциальной среде друзей-одноклассников, с которыми он "с первого класса вместе" (А. Белов 2003: 45). Как уже было упомянуто, взросление в преимущественно гомосоциальном окружении может привести к пониманию мужских качеств в гипертрофированной форме. Одна из доступных нам отсылок, которая дает возможность судить об истоках мужественного в Белове, это его серьезное увлечение кельтами. По тому как часто Белов вспоминает про кельтов по ходу повествования можно предположить, что их образ и дал Белову материал из, которого он подчерпнул свои представления о мужественности. Чтобы увидеть связь между поведением Белова и образом кельтов, рассмотрим что же из себя представляло это древнее племя.

При рассмотрении образа кельта выделяется их воинственная мужественность, устрашающего вида внешность и свирепость в бою: "Когда дикого вида кельты со звериными воплями бросились на римлян, те в страхе разбежались, открывая противнику дорогу на город" (В.В. Адамчик, М.В. Адамчик 2008: 188). Римляне не раз сталкивались с племенами кельтов (галлами). В этом смысле примечательно, что Белов читает в одной из сцен книгу "История Рима" (А. Белов 2003: 134).

Собирательный характер кельтов оценивается исключительно как мужественный: "воинственны, отважны, ловки, но иногда по детски наивны. Война будто бы была их страстью (Страбон)" (Я. Филин 1961, www). Также отмечалась их

ярьость в бою: "Бой отличался жестокостью" (Я. Филин 1961, www). При сравнении коллективного образа кельтского народа с образом Саши Белова обнаруживается, что эти две характеристики схожи: воинственность (кастет, ищет драки), отважность (вызывает опасного соперника на дуэль, сопротивляется вооруженной милиции), ловкость (обладает сильным, крепким телом), детская наивность (Белов в начале книги предстает еще по-детски наивным: "...физически, конечно, возмужал, окреп, а рот откроет - все тот же ребенок" (А. Белов 2003: 49)). В драке с противником Белов также отличается жестокостью: "...Белов принялся оставшейся правой вколачивать его ненавистную морду в глину" (А. Белов 2003: 63).

Стремление подражать кельтам мы видим также и в желании Саши приобрести собаку особой породы, которых кельты использовали в бою: "Я просто про кельтов много читал. Они настоящими бойцами были и собак, опять же, любили... У них на вооружении были как раз бордосские доги и вот... мастифы" (А. Белов 2003: 95). Увлечение кельтами прививает Белову любовь к собакам в общем как к боевому товарищу (А. Белов 2003: 6, 93, 151).

Таким образом, читая про кельтов, Саша формирует для себя представление о "правильном" мужчине как о настоящем бойце. Белов хочет ассоциировать себя с кельтами: "...Сашино плечо, на котором был выколот небольшой, величиной с полладони кельтский крест" (А. Белов 2003: 282). В образе кельтов мы видим прежде всего воплощение силы, агрессивности, грубости, нонконформизма, жажды приключений, отваги. Эти качества есть и у Белова (А. Белов 2003: 22, 27, 31, 42, 46, 60, 63, 64). Шрамы, знаки боевых столкновений (А. Белов 2003: 172, 281) - это тоже стереотипы, содержащие черты воинственной мужественности.

Белове думает о себе так: "...мне иногда кажется, что не в свое время родился. А может, я когда-то уже и рождался. Вовремя и был настоящим кельтом... Они были просто воинами. Строгими, но справедливыми." (А. Белов 2003: 283). Таким образом, перед нами первая аналогия мужественности - образ сильного древнего воина (кельта).

Следующими словами описывает Белова его невеста: "умный, одаренный, а разбойник" (А. Белов 2003: 281). Образ одаренного разбойника может быть соотнесен с образом Степана Разина, которому также как и кельту приписывается ненормативная, воинственная мужественность (И. Наживин 2007). Натура Разина описывалась как натура смелого и жестокого разбойника. Здесь можно провести параллель со смелой и жестокой натурой как кельтов, так и разбойника Разина. Их образ жизни включал в себя набеги для своего обогащения. Соответственно, Белов промышляет "набегами"

на фирмы и компании современной России.

Но образ воинственного кельта не единственная аналогия мужественного образа Белова с которой можно было бы провести параллель. В разделе 7.3 мы выяснили, что Белов служил пограничником в советской армии. Из анализируемого текста можно понять, что Белов хороший военный. Мы уже выяснили, что в позднесоветском дискурсе образ военного утратил свое бывшее героическое значение. Но все же нельзя отрицать, что профессия военного даже тогда (за неимением более яркой альтернативы) считалась самым видным мужским призванием. По общему убеждению именно после армии юноша становился настоящим мужчиной.

Для характера Белова подходит образ не просто солдата, а боевого командира, который он сумел воплотить только уже будучи криминальным авторитетом. Рассматривая мужской образ такого типа, мы имеем дело с такими мужественными качествами, рассмотренными в разделе 5, как стремление к лидерству, ответственность, решительность, настойчивость, умение принимать решения, реалистичность, находчивость. Все эти черты характера, которые в Белове еще больше закалила армия, проявляются нашим персонажем по ходу действия (А. Белов 2003: 20, 26, 75, 156, 239, 240).

Судя Белова по его действиям, окружающие оценивают его следующим образом: "...умен, целеустремлен, решителен. По натуре - прирожденный лидер. А главное в нем чувствуется настоящий характер, личность. В нем есть стержень." (А. Белов 2003: 227).

Таким образом, у нас есть еще одна аналогия мужественности Белова - волевой командир. Большие перемены сподвигли нашего персонажа реализовать свои мужественные морально-волевые качества лишь на криминальной почве, в новом амплуа, что дает нам следующую аналогию.

Белов - бизнесмен. Данный образ настоящего мужчины "нагоняет" Белова вместе со стремительными переменами в российском обществе. Этому образу соответствуют следующие мужественные качества: активность, амбициозность, предприимчивость, потребность в достижении цели и в соревновании, умение делать бизнес, амбициозность, властность.

Эти качества, которые так важны для делового человека, характерны для Белова. Например, целеустремленность: "Не в его правилах было бросать задуманное на полпути." (А. Белов 2003: 29). Или амбициозность: "Сейчас я пока воин. Быдлом я не стану. Я обязательно поднимусь. Мой путь - только вперед и вверх" (А. Белов 2003:

284).

И внешне образ Белова начинает соответствовать новой модели мужественности в России: "...идеально выбритый и благоухающий дорогим одеколоном" (А. Белов 2003: 243). Появляются новые характерные атрибуты: "...он подкатил на своей новенькой БМВ..." (А. Белов 2003: 243). Именно такой образ новой мужественности представляет С.А. Ушакин в разделе 6.5. Как пишет Ушакин, в современном образе настоящего мужчины-предпринимателя просматривается тенденция милитаризации делового быта. Здесь нельзя не отметить военное прошлое Белова и применение его военных умений в бизнесе.

7.5. Аналогии мужественности в Саше Белом и их атрибуты

Таким образом, можно говорить о трех обособленных образцах мужественности в нашем персонаже, которые в образе Белова переплетаются и создают весьма сильный мужественный характер:

1. Воинственный кельт. Данный образ персонажа подчеркивают его красноречивые атрибуты:

-Кастет. Опасное, грубое, но эффективное оружие, которое подходит для "настоящего боя".

- Собака породы мастиф. Боевой товарищ кельта, идущий с ним в битву и подчеркивающий его воинственность.

- Книга "История Рима". Книга о воинственном и сильном государстве. Атрибут обращает внимание на интерес нашего героя к военной истории древнего мира и кельтам, которые так тесно с ней связаны.

- Татуировка в виде кельтского креста. Символ одухотворенной связи Саши Белого со "своим народом" и прямой намек на его воинственный образ.

2. Военный командир. Атрибуты:

- Военная форма. Знак принадлежности к военной деятельности. Военная форма всегда считалась эталоном мужественности и предметом гордости ее обладателя.

- Армейские значки. Знаки боевого отличия. Соответствуют по характеру символики военной форме.

- Армейская овчарка. Боевой товарищ советского военнослужащего. Здесь прослеживается аналогия с атрибутом воинственного кельта - мастифом.

- Татуировка пограничных войск. Знак принадлежности к обществу военных. Аналогия с татуировкой кельтского креста как ассоциации с кастой воинов древности.

3. *Бизнесмен.* Для атрибутов данного образа, в отличие от атрибутов кельта и командира, характерно свойство "видимости" мужественности, о которой говорит С.А. Ушакин в разделе 6.5. В репрезентации мужественности в современной России по С.А. Ушакину можно говорить об атрибутах, которые лишь намекают на мужественность ее обладателя, а не являются прямым следствием ее. Например, для того, чтобы подчеркнуть свою обеспеченность Белов использует:

- Дорогой одеколон. Подчеркивает статус обладателя. Дорогой значит модный, качественный, характеризующий своего обладателя как самодостаточного.

- Новый автомобиль БМВ. Престижная марка автомобиля, ассоциирующаяся в новой России одновременно с предпринимателями и бандитами. Данный автомобиль свидетельствует о покупательной способности его обладателя и, соответственно, его возможностях, власти.

Современный российский мужественный образ, которому больше не нужна военная форма, военные значки и нет времени на воспитание собаки, проявляет себя не практической надобностью атрибутов, а их дороговизной и престижностью.

Суммирую рассмотренные модели мужественности, можно сказать, что по мере своего взросления мы видим Белова более солидного и взвешенного в своих поступках. Его выдающиеся мужские качества являются настолько яркими и сильными, что не остались незамеченными и получают статус почти легендарных: "...в своем послании старшак представил Сашу чуть ли не главным героем битвы, таким непобедимым Ильей Муромцем" (А. Белов 2003: 239).

7.6. Практики персонажа

В разделе 4.2 мы ссылались на работу Коннелла, где он косвенно касается

темы мужских практик, когда говорит о подходах к определению маскулинности. Коннелл пишет об одном из подходов как о нормативной модели поведения настоящего мужчины. Данная нормативная модель обычно широко представлена в СМИ (поэтому когда в СМИ появляется образ ненормативной мужественности в случае Саши Белова, которая выставляется в привлекательном свете, в общественном мнении появляются самые разносторонние реакции - см. раздел 7.5.). Таким образом, практики мужчин связаны с их поведением в определенных конкретных ситуациях в жизни.

В разделе 6.3. мы заметили, что Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина развивают данную тему, указывая на необходимость реализации "истинно мужских" практик среди мужчин, как условия признания мужчины, их реализующего, как образцового.

В то же время С.А. Ушакин, как мы отметили в разделе 6.5., пишет, что некоторые мужские практики могут в виду нереальности их воплощения вообще сводится до уровня наличия лишь только "пустой" мужской атрибутики, прикрывающей отсутствие практической реализации мужественности в жизни.

Но мы уже провели анализ атрибутики Саши Белова в разделе 7.5 и теперь представляет интерес проанализировать практики мужественности Белова на примере таких универсальных, абстрактных понятий как дружба, любовь и вражда, чтобы выяснить является ли наш персонаж заложником своих атрибутов или они являются естественными свидетельствами его личности.

Саша Белый отличается своим собственным мнением на жизненные вопросы, всегда все делает по-своему и "привык обходиться своим умом" (А. Белов 2003: 19). Иногда окружающие его люди сетуют на его принципиальность, когда не могут повлиять на него: "Как найти слова, чтобы упрямый и 'правильный' Белов понял, наконец, что жизнь сильнее человека..." (А. Белов 2003: 54). Это дает нам представление о Белове, как о человеке, живущем по своим собственным "понятиям".

Дружба. При анализе текста можно понять, что дружба по Белову в первую очередь выступает в форме боевого товарищества. Свои крепкие бандитские связи со своей будущей криминальной бригадой он скрепляет именно клятвой в дружбе (А. Белов 2003: 222-223). Можно сказать, что для Белова настоящая мужская дружба является чем-то святым, чистым. Когда друг поддержит всегда и не бросит в трудную минуту.

Белов ценит дружбу как взаимовыручку. Примечательно, что в тексте это фигурирует в виде помощи в драках. Такое дружеское поведение Белов ожидает от

остальных (А. Белов 2003: 33-35) и проявляет его сам (А. Белов 2003: 170-171).

В своей статье “Борис” Е. Езерская сравнивает героев бригады с мушкетерами (Е. Езерская 2002, [www](#)). И действительно, если взять для сравнения самых известных для русского читателя мушкетеров А. Дюма, можно найти немало параллелей с героями нашего текста: “Если на свете существуют вещи, ради которых стоит жить, то одна из них - настоящая мужская дружба. И где она сильнее и крепче, чем среди товарищей по оружию?” (А. Балод 2006, [www](#)).

Первое сходство, которое бросается в глаза, это идея сплоченности и взаимоподдержки в коллективе: ставшее нарицательным “один за всех и все за одного” против “...мы с первого класса вместе! И за все, что мы делаем, мы тоже будем отвечать вместе!” (А. Белов 2002: 45). Интересна и параллель разделения коллектива как то Д’Артаньян и три мушкетера - Саша Белый и его бригада (три бригадира).

Следующие сходства можно выделить в персонажах классического произведения и анализируемого нами киноромана. Д’Артаньян - горяч, пылок и постоянно ищет драки, но в то же время удачлив, как и Белов с его солдатской удалью. Атос рассудителен, серьезен и особенно хорошо владеет шпагой, как и Фил, который тоже в своем разряде мастер спорта по боксу. Арамис - утонченный, манерный, герой-любовник, как и в своем роде современный Пчела с его разгульным поведением на вечеринках и повышенным вниманием к противоположному полу. Портос весельчак и балагур, любит хорошенько выпить, нередко рвется в драку “на веселе”, как и Космос – компанейский заводила, который употребляет кокаин и постоянно хватается за пистолет в наркотическом опьянении. Сходство характера дружеских отношений братьев по оружию (мушкетеров) и современных бригадиров, связанных одной криминальной деятельностью, подтверждает боевую основу близких отношений наших героев (А. Балод 2006, [www](#)).

Дружба в форме мужского братства в “Бригаде” также ассоциируется с практиками древних братских воинств (дружин в русской культуре): “Короче, братья, я о чем хочу сказать” (А. Белов 2003: 261). В таких воинствах складывались крепкие, дружественные отношения как необходимая составляющая сплоченности и слаженности боевых группировок. В связи с этим интересно то, как Белов полушутливо зовет своих друзей: “Ладно, опричники, пошли” (А. Белов 2003: 279).

Интересно сравнить практику дружбы Белова с дружбой, представленной Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной в разделе 6.2. Речь идет о дружбе, которая была свойственна гегемонной советской маскулинности и характеризовалась готовностью

подчинения ("иерархический эгалитаризм" по Ю. Леваде).

Данный тип дружбы текст не позволяет увидеть непосредственно на примере Белова. Скорее признаки такой дружбы касаются Саши на примере иерархии в сформированной им бригаде - в ожиданиях от своих друзей, над которым он берет неформальное "шефство".

Между членами бригады, несмотря на дружбу, формально существует достаточно строгая иерархия во главе с Беловым. Друзья Белова слушаются его и отдают ему право последнего слова: "Все важные дела они обсуждали вместе, но последнее слово всегда оставалось за Беловым" (А. Белов 2003: 241).

Взаимоотношения такого типа являются необходимыми, учитывая квази-военный характер дисциплины в бригаде и потребность в лидере для повышения выживаемости группы. Таким образом, дружба в виде твердых принципов неофициального, но фактического подчинения Белову его друзей по бригаде, выполняет военно-защитную функцию.

Подведя итог, можно сказать, что в представлении Белова настоящая мужская дружба есть боевое товарищество, которое становится крепче, проходя через жизненные "испытания-битвы" (А. Белов 2003: 33, 109-110, 210-211, 235). Такая практика дружбы, которая закаляется в боях, сочетается с образом воинственного кельта и косвенно с практикой дружбы советской маскулинности (товариществом). Можно сделать вывод, что такая практика дружбы является производным показателем образцов мужественности, рассмотренных в разделе 7.5.

Любовь. Из анализе текста можно сказать, что к своей истинной спутнице жизни Саша Белов относится серьезно и считает, что она должна быть одна и на всю жизнь (А. Белов 2003: 24, 31). Хотя данное его убеждение не мешают Белову проявлять свою полигамность и активную сексуальность.

Выбирая себе спутницу жизни, Белов считает ее своей духовной половиной и своим вдохновением. Он готов ради нее на все и она стоит у него на первом месте. Но в то же время Белов не обделяет вниманием и посторонних девушек, проявляя таким образом свое мужское начало. Когда Саше предлагают "погулять по девушкам" он ссылается не на то, что не будет, а что сейчас не хочет (А. Белов 2003: 21).

Нельзя сказать, что Саша ставит любовь выше дружбы. Для него это отдельные вещи и он ни одну из них он не превозносит. Например, анализ текста не показывает, чтобы Саша Белов жертвовал дружескими принципами ради своей спутницы жизни и наоборот.

Но заметно также, что иногда его дружеские принципы могут конфликтовать с любовными когда он ссорится со своими друзьями из-за девушек (А. Белов 2003: 22, 174).

В тексте прослеживается идея дамы сердца. Белов, пока он служит в армии, с нетерпением ждет когда он встретит свою невесту по возвращении: "...Ленку в охапку, и сразу в ЗАГС" (А. Белов 2003: 47). Но из текста становится понятно, что данный стереотип, как и образ мужественности настоящего солдата, ломается под давлением времени. Выясняется, что любимая Белова его не дождалась. Данное обстоятельство открывает глаза Белову (А. Белов 2003: 68). Но он все же, следуя своим принципам, не отказывается от идеи поиска спутницы жизни (А. Белов 2003: 69).

В то же время в Белове чувствуется проявление ненормативной, необузданной мужественности с ее сексуальными похождениями (А. Белов 2003: 186-187, 196-199). Это бесцеремонное, примитивное отношение к противоположному полу отсылает нас к образу кельтов.

Можно сделать вывод, что любовные практики соотносятся с образцами мужественности, выявленными в разделе 7.5.

Вражда. Характеру Белова свойственно навязывание смертельной, кровной вражды. Когда у Белова появляется соперник, он проявляет себя во всей своей свирепости: "Эй!.. В следующий раз встречу - буду убивать нахрен!" (А. Белов 2003: 64). В пылу ярости, которая у него может достигать звериного накала, можно легко предположить, что Белов способен на убийство. Послав соперника на дуэли в нокаут, Белов толкает бессознательное тело врага в воду (А. Белов 2003: 64).

Противостояние Белова с соперником до финального конца видно по конфликту Белова с Мухой, а также с милицией, где он предпочел рискнуть своей жизнью и жизнью друга, чем сдаться (А. Белов 2003: 210).

Вражда по Белову носит первобытный, примитивный характер. Белов для устранения преграды готов идти до конца - вражда до полного подчинения противника или его физического уничтожения.

Данная бескомпромиссность еще раз отсылает нас к кельтской модели мужественности древнего воина, которую усвоил Белов. Дикая ярость при конфронтации с противником и прямая жестокость отчетливо напоминает о воинственности древности.

В итоге, практика вражды Белова, которая напоминает нам берсеркера, ярко очерчена и может быть соотнесена только с образом мужественности воинственного

кельта, представленного в разделе 7.5.

Таким образом можно сделать вывод, что проанализированная атрибутика Белова на примере именно данного персонажа не является "бутафорской" по аналогии с атрибутами древнего воина (кельта) или советского солдата. В тексте данная атрибутика видна как следствие характера и естественного поведения героя, а не наоборот. В то же время по аналогии с мужественностью успешного бизнесмена прослеживается новая роль атрибутов как показателей статуса, а не предметов практической значимости. Последняя аналогия повторяет заключение, сделанное С.А. Ушакиным в конце раздела 3.3.

Мы видим, что мужественность Белова можно соотнести с 3 разными аналогиями. Белов реализует на практике в той или иной степени воинственность кельта (эффективный боец), авторитет военного командира (служба в армии, иерархия подчинения в бригаде) и успешность бизнесмена (дорогой автомобиль). Проявляя себя в любом начинании, главный герой позволяет выделить на его примере типично мужественные стереотипы. Анализ текста показывает, что мужественность Белова, вмещающая в себя выявленные аналогии, позволяет ему реализоваться как полагает "настоящему" мужчине .

8. Телесериал "Бригада" и его рецепция

8.1. Телесериал "Бригада". Саша Белый на экране

Телесериал "Бригада" вызвал большой интерес как у профессиональных критиков, так и обыкновенных телезрителей. После того когда стало ясно, что "Бригада" пользуется большой популярностью, критики стали писать про феномен "Бригады".

Прежде всего во время выхода сериала отмечали его стоимость. Сериал на момент его выхода был самым дорогим телесериалом, снятым в России. Бюджет одной серии составлял почти 200 000 долларов (Сериал Бригада, [www](#)). Но в то же время отмечалось недостаточное качество технической реализации проекта (А. Орлецкий 2002, [www](#)).

Большое внимание было уделено работе Сергея Безрукова, который сыграл роль Саши Белого: "Сергей Безруков совершил невероятное - перевоплотился из солнечного мальчика в достоверного матерого бандюгу и сохранил при этом пробойное обаяние." (А. Орлецкий 2002, [www](#)).

Именно "пробойное обаяние" Безрукова в роли бандита, в значительной степени, вызвало столько беспокойства в обществе. Криминальный образ Белова, по мнению критиков, должен был бы носить характер отрицательного персонажа, в то время как он получился положительным. Возможные последствия влияния такого искаженного образа, идущего вразрез с действительностью, на молодежь вызвало определенную тревогу в обществе.

Сообщалось, что роль была написана специально под Безрукова (Безруков Сергей - Биография, [www](#)). К моменту начала подбора актеров на роль Саши Белова, Безруков был знаменит в театральной среде и хорошо зарекомендовал себя как актера. В репертуаре актера преобладает исполнение ролей персонажей русской литературы. Среди них можно выделить роль Сергея Есенина, которая содержит в себе выраженную ненормативную мужественность. Определение на роль Безрукова мог сыграть тот факт, что он известен своим чрезмерным увлечением характерными ролями (Сергей Безруков. Официальный сайт, [www](#)).

После многочисленной отрицательной критики, Безруков объяснил

романтизацию образа Белова следующим образом: "Я играю жестокого человека, но не лишенного обаяния. Это не просто убийца, нет. Я оправдываю своего героя. Я, как актер, на время вживаюсь в своего героя. Но не дай мне Бог вжиться в это по-настоящему, потому что это только в кино может быть забавно, в какой-то степени романтично: пистолеты, разборки. В жизни это все, конечно, жестче, страшнее. Не дай Бог в жизни к этому прикоснуться. В кино можно..." (Безруков Сергей - Биография, www).

8.2. Восприятие сериала в гендерном контексте

При анализе отзывов о сериале в контексте ранее представленных нами стереотипов мужественности выявляется, что почти во всех рецензиях и отзывах больше всего внимания обращается на две однозначные стереотипные составляющие сериала, которые у самых разных рецензентов не вызывают сомнений: образ настоящей мужской дружбы и мужественность в самом крайнем своем проявлении - необузданности.

В отзывах на сериал прослеживается общая убежденность в отображении в сериале настоящей мужской дружбы. Как было выявлено в разделе 7.6., дружба в "Бригаде" есть производное от понятий воинского братства, боевого товарищества советской маскулинности (иерархический эгалитаризм) и мушкетерского братства по оружию. Такая практика мужской дружбы оценивается зрителями как положительная: "Кто не мечтает иметь друзей, готовых ради тебя лезть под пули, готовых вытащить тебя из ментовки, отдав последнее, готовых втроем защищать твоих жену и ребенка от банды головорезов?" (А. Орлецкий 2002, www); "фильм о настоящей мужской дружбе" (Бригада (ТВ-сериал), www). Данное мнение, о показанной на экране настоящей мужской дружбы и какой она должна быть, является доминирующим при обсуждении сериала.

Высока частотность в отзывах и о крайнем проявлении мужественности - необузданности и жестокости. Проявление такой мужественности, по мнению некоторых критиков (Ю. Сергеев 2002, www), учит достигать своих целей самыми примитивными и эффективными способами, например, одерживать победу над врагами путем убийств, или получать желаемое посредством вымогательства и разбоя.

В отзывах делается вывод, что романтизированный образ разбойника (мы можем приравнять его к выявленному нами образу кельта - см. разделы 7.5, 7.6.) в сериале тем и страшен, что притягателен, потому что не отображает действительность в полной мере. На экране показана грубая мужская сила, проявления жестокости, но лишь через призму героических и смелых поступков, а не как проявление "шкурных", низких интересов, как это чаще случается в криминальной среде. Как следствие, такое проявление мужественности, завораживающее на экране одних зрителей, отталкивает при критическом осмыслении увиденного других. (Бригада: мнения, www).

Главным приемом успешной репрезентации брутальной мужественности в случае сериала "Бригада" является романтизация повествования (А. Архангельский 2002, www). Главным аргументом о романтизации служит наличие обаяния героя Белова на фоне его криминальной деятельности. А. Архангельский в своей статье пишет, что сериал идет на романтизацию зла и культа насилия.

Другой критик Л. Шахов пишет в своей статье "Белый и такой пушистый", что данная двусмысленность усугубляется талантливостью актера С. Безрукова, представившего запоминающийся обаятельный образ Белова, который при более глубоком размышлении оборачивается прямым и понятным смыслом социального заказа: "Не братва получилась, а бригада. Не бандиты получились, не 'быки' в малиновых пиджаках, а вполне добропорядочные граждане со связями в высшем свете, положением в обществе." (Л. Шахов 2002, www).

О романтизированном криминальном содержании "Бригады" в статье Анны Старобинец в журнале "Эксперт" говорят как о специфике русского менталитета: "...в нем присутствует особая интонация, что-то чисто русское, талантливо балансирующее между насилием и романтикой" (А. Старобинец, www).

Можно сделать вывод, что брутальная мужественность принимается критиками как один из образцов мужественности. Но часть критиков не согласна в полной мере с тем как эта мужественность была воплощена через романтизированный и обаятельный образ Саши Белова (здесь немалая заслуга С. Безрукова), так как имеют представления о том, что такие проявления мужественности именно в криминальном контексте носят куда более жесткий и неприглядный характер.

Принимая во внимание популярность сериала и отзывы о нем, образы мужественности, получившие успешное воплощение в "Бригаде" (см. раздел 7.5.), можно отнести к категории подлинно "настоящих", признаваемых обществом. Популярность сериала говорит об интересе общества к такому типу мужественности.

Заключение

В данной работе была поставлена цель проанализировать стереотипы современной российской мужественности на примере героя сериала "Бригада" Александра Белова. Для ее достижения были использована гендерная теория в целом и теория гендерных стереотипов в частности. С помощью этих теорий мы проанализировали образ Белова в текстовой версии сериала.

Мы пришли к выводу, что образ Белова строится как отрицательный образ "настоящего" русского мужчины эпохи перестройки. Свидетельством "настоящей" мужественности Белова служат следующие стереотипные качества: воинственность, авторитетность, властность, успешность. Каждому из этих качеств в фильме и тексте соответствует определенный набор атрибутов, которые мы проанализировали в своей работе. Можно сказать, вслед за С. Ушакиным, что "видимая" мужественность героя предстает как набор стереотипных и узнаваемых атрибутов.

В ходе развития персонажа Белова данные стереотипы мужественности переходят с первичного образа героя, солдата на образ разбойника, авторитетного бандита, главаря успешной преступной группировки, занимающейся криминальным бизнесом.

Таким образом, стереотипы мужественности в массовой культуре, к которой относится проанализированный нами сериал, воспроизводятся, но применяются к разным социальным героям. В данном тексте мы имеем дело с примером того, как стереотипы мужественности героизируют образ уголовного, перейдя туда без изменений из образа советского военного. Вместо командира военного подразделения, мы видим начальника преступной группировки с похожей системой подчинения и своим кодексом чести. На данном примере видно, как один образ мужественности сменяется новым в течение определенного периода времени, но суть представлений об "образцовой" мужественности внутри разных образов не меняется.

Библиография

Антология гендерной теории 2000. Составители Е. Гапова, А. Усманова. Минск: ПроPILEI.

Адамчик В.В., Адамчик М.В. 2008. *Всемирная история: от Древнего Вавилона до наших дней*. Минск: Харвест.

Белов А. 2003. *Бригада. Бои без правил*. М., ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис.

Введение в гендерные исследования 2005. Под. ред. И.В. Костиковой. М., Аспект - Пресс.

А. Тихонова 2009. «Гламурный подонок» и «суровый гей», или постсоветские репрезентации маскулинности в телевизионной поп-культуре: «Наша Russia» на ТНТ. *Визуальная антропология: настройка оптики*. Под. ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М., Вариант, 256-274.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 2002. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе. *О муже(N)ственности*. Составитель С. Ушакин. Москва: Новое литературное обозрение, 432-451.

«Мужское» в традиционном и современном обществе 2004. Составитель И.А. Морозов. М., Лабиринт.

Наживин И. 2007. *Степан Разин. Казаки*. М., ИД Мещерякова.

Рябова Т.Б. 2008. *Пол власти: Гендерные стереотипы в современной российской политике*. Иваново: Ивановский государственный университет.

Ушакин, Сергей 2002. «Человек рода он»: знаки отсутствия. *О муже(N)ственности*. Составитель С. Ушакин. М., Новое литературное обозрение, с. 7-40.

Ушакин, Сергей 2002. Видимость мужественности. *О муже(N)ственности*. Составитель С. Ушакин. М., Новое литературное обозрение, с. 479-503.

Хализев В. Е. 2002. *Теория литературы*. М., Высшая школа.

Хигир А. 2006. *Энциклопедия имен*. М., Эксмо.

Черняк В.Д., Черняк М.А. 2009. *Базовые понятие массовой литературы*. Санкт-Петербург: издательство РГПУ им. А.И. Герцена.

Connell R.W. 2002. *Gender*. Malden: Blackwell Publishing.

Connell R.W. 1995. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press.

Материалы, опубликованные в интернете:

Архангельский А. 2002. "Бригада" поскоммунистического труда. *Известия*.

http://www.microtech-world.com/brigada_press_02_01.html

[Просмотрен 19.05.2010]

Балод А. 2006. *"Три мушкетера": Уроки создания бестселлера*.

<http://www.netslova.ru/balod/bestseller.html>

[Просмотрен 19.05.2010]

Безруков Сергей - Биография.

<http://www.rusactors.ru/b/bezrukov/index.shtml>

[Просмотрен 19.05.2010]

Борк Р. *Политика Пола*.

<http://menalmanah.narod.ru/mw/policy.html>

[Просмотрен 19.05.2010]

Бригада: мнения.

<http://www.kinomania.ru/movies/b/Bridaga/rev.shtml>

[Просмотрен 19.05.2010]

Бригада (ТВ-сериал).

<http://kinopark.by/film844.html>

[Просмотрен 19.05.2010]

Булычев И.И. 2004. *Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира*.

<http://credonew.ru/content/view/384/29/>

[Просмотрен 19.05.2010]

Езерская Е. 2002. Борис. *Антенна*.

http://www.microtech-world.com/brigada_press_02_06.html

[Просмотрен 19.05.2010]

Кон И.С. 2003. *Пол и Гендер. Заметки о терминах.*

<http://sexology.narod.ru/publ037.html>

[Просмотрен 19.05.2010]

Мир словарей.

http://mirсловarei.com/content_soc/MUZHESTVENNOST-MASCULINITY-9064.html

[Просмотрен 19.05.2010]

Орлецкий А. 2002. *Настоящий гангстерский эпос.*

<http://www.ruskino.ru/review/8>

[Просмотрен 19.05.2010]

Сергеев Ю. 2002. Это не "Бригада, это "Братки". *Комсомольская правда.*

<http://www.brigada2.ru/brigada/press/after/article01/>

[Просмотрен 17.05.2010]

Сергей Безруков. Официальный сайт.

<http://sergeybezrukov.ru/ya/autobiography/>

[Просмотрен 19.05.2010]

Сериал Бригада.

<http://brigada.cdom.ru/about/16.php>

[Просмотрен 19.05.2010]

Старобинец А. Между насилием и романтикой. *Эксперт.*

http://www.microtech-world.com/brigada_press_02_15.html

[Просмотрен 19.05.2010]

С.А. Ушакин 2005. *"Человек рода он": футляры мужественности.*

<http://www.princeton.edu/oushakine/download/russian/2005.Chelovek%20roda%20on.pdf>

[Просмотрен 19.05.2010]

Ушакин С.А. 2005. *Видимость мужественности.*

<http://www.princeton.edu/oushakine/download/russian/2002.Vidimost%20muzhestvennosti.pdf>

[Просмотрен 19.05.2010]

Филин Я. 1961. *Кельтская цивилизация и ее наследие.*

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/filip/index.php

[Просмотрен 19.05.2010]

Фильм "Бригада".

<http://www.ruskino.ru/mov/9>

[Просмотрен 19.05.2010]

Храмов С.В. 2003. Жмых из "Бригады". *Самиздат.*

http://zhurnal.lib.ru/h/hramow_s_w/brigada-kodoc.shtml

[Просмотрен 19.05.2010]

Червинский А.М. 1993. Как хорошо продать хороший сценарий. *Киносценарии.*

http://www.belousenko.com/books/art/chervinsky/chervinsky_scenario.htm#01

[Просмотрен 19.05.2010]

Шахов Л. 2002. «Белый и такой пушистый». *Жизнь.*

http://www.microtech-world.com/brigada_press_02_04.html

[Просмотрен 19.05.2010]

Scott J., Marshall G. 2009. *Dictionary of Sociology.* Oxford University Press

<http://www.oxfordreference.com/views/ENTRY.html?subview=Main&entry=t88.e902>

[Просмотрен 05.06.2009]